

Небесный остров

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Небесный остров

Анна и Сергей Литвиновы

Спецкор отдела расследований #8

Вырваться из душного мегаполиса к теплому морю – что может быть прекраснее жарким летом? Надя Митрофанова была счастлива: эти несколько дней на юге они с Димой проведут вместе! Пусть даже он увлечен своим журналистским расследованием – она готова помочь ему выяснить, кто на самом деле виноват в гибели девушки под винтами яхты. Но вскоре Полуянов уже уговаривал Надю вернуться домой: их отдых с каждым днем становился все более опасным и непредсказуемым. После того как погибло несколько человек, причастных к этому делу, – конечно, якобы случайно! – журналист и его подруга начали всерьез опасаться, что могут оказаться на их месте...

Анна и Сергей Литвиновы

Небесный остров

Отпуск! В Испании! Вдвоем!

Надя просто летала от предвкушения.

И рисовала в воображении самые соблазнительные картины. Вот они с Димой, обнявшись, бредут по влажному песку пляжа. Смакуют в ресторане терпкое вино, закусывают знаменитым хамоном. Целуются на крахмальных простынях отеля...

Кругом, конечно, полно одиноких девиц. Они в отчаянном поиске пары заигрывают с испанскими официантами, строят глазки метрдотелям и даже уборщикам территории. А ее (под руку с красавцем!) провожают завистливыми взглядами.

Да и дамы, что с кавалерами на курорт явятся, ей позавидуют. У самих-то мужики лысые, с брюшками или алкоголики. А ее Димочка – вообще без изъянов. Спортивный, обаятельный, стройный.

Надя, чтоб соответствовать, за себя взялась. Села на жесткую диету – ни единой больше булочки, в буфет на работе, где изумительные плюшки пекут, не заглядывала принципиально. А по утрам, когда Родиона выгуливала, больше не брела еле-еле. Швыряла собаке палку, грозно приказывала: «Апорт!» И мчалась с таксой наперегонки. Не фитнес-клуб, конечно, но помогало, мышцы явно подтягивались. А по вечерам еще и пресс качала, приседала, гантельками размахивала. И если прежде любая физкультура вызывала у нее отвращение, то сейчас, когда поездка в Испанию на носу, она почти с удовольствием занималась.

А какая радость по магазинам ходить, выбирать купальник, парео, сарафанчики, шлепки! Настроение – не сравнить, когда к зиме сапоги или очередной свитер покупаешь. Димке тоже предлагала обновить гардероб, но тот лишь отмахнулся: «Некогда мне ерундой заниматься. А что надеть – найду».

И все организационные хлопоты Наде с удовольствием передал.

Маршрут, сказал, выбирай, какой хочешь. И турфирму сама ищи. А я (горделивый взгляд) только денег дам, сколько скажешь.

Нового русского из себя строит. Хотя зарабатывает в своей газете отнюдь не миллионы. И Надя изо всех сил старалась любимого не разорить. От пижонской Марбельи решительно отказалась. Выбрала демократичную Коста-дель-Соль. И гостиницу – три звезды.

Хотела еще скидку выпросить – не вышло. Сотрудница турфирмы лишь усмехнулась: «Чтоб экономить, надо было в феврале бронировать».

Однако в феврале об Испании речь и не заходила. Полуянов тогда планировал летом с друзьями на Байкал поехать рыбачить. А Надя собиралась в гордом одиночестве в санаторий.

Счастье внезапно настигло. Пришел однажды Димка, уже в июне, с работы голодный, а у Нади отбивные получились – выше всяких похвал. И салат сделала из листьев «айсберга», романо и кедровых орешков, как Полуянов любит. Да еще и встретила любимого в кружевном, очень откровенном сарафанчике. Купила давно, однако прежде носить стеснялась. И в тот день нацепила его лишь от безысходности – жара за тридцать, а в кухне у раскаленной плиты вообще невыносимо.

Друг сердечный насытился, пивка выпил, глаза загорелись, по бедру ее гладит. И вдруг ляпнул:

– Ох, Надька, ты чудо что за девчонка!

Митрофанова прежде, когда его комплименты слышала, терялась. Бормотала растроганно:

– Спасибо, Димочка!

Но сегодня на нее нашло. Улыбнулась загадочно и лукаво:

– Знаю, что чудо. Все говорят.

А Полуянов хмуро брови сдвинул:

– Кто – все?

Рассказывать про старичков-читателей с их старомодными комплиментами, инстинктивно поняла Надя, глупо. Придумать с ходу тайного воздыхателя на белом «Мерседесе» она тоже не сумеет. Но покраснеть, смущенно опустить ресницы ей удалось.

А Полуянов – вот удивительно! – забеспокоился. И на следующий день, за завтраком, вдруг выдал:

– Лето, отпуск скоро. Может, на море махнем?

– Ты же на Байкал собирался, – пожала плечами Надя.

И услышала просто бальзам для неюной и не самой красивой в столице девушки:

– Ты ведь туда со мной не поедешь.

Больше ломаться она не стала – быстро произнесла:

– Я согласна. А куда?

– В Испанию, например, – задумчиво произнес Дима.

«Да! Да! Да!» – едва не заорала Надежда.

А он глянул в ее просветленное лицо и поспешно добавил:

– Только пока не планируй. Может, меня с работы вообще не отпустят.

И Надя, как могла небрежно, ответила:

– Да я тоже уже на санаторий настроилась.

Однако про себя решила: такую возможность упускать нельзя.

И немедленно подала документы на заграничный паспорт. Путеводителей в абонементе набрала, принесла домой. Положила на видное место испано-русский разговорник.

А Дима, подлый человек, путеводители просматривал, но тему больше не поднимал.

А тут очень кстати совсем уж сумасшедшая жара на Москву навалилась, в пригородных лесах пожары, гарь невозможная, а чтобы кондиционер в квартире

установить – очередь на два месяца.

Вот и сдался Димка. Сказал: пропади все пропадом, улетаем отсюда! Через неделю.

– Документы не успеем оформить! – беспокоилась Надя.

– Ерунда. Шенгенскую визу сейчас за два дня ставят, – заверил он.

И на следующий же день Митрофанова помчалась в турфирму.

Менеджер деловито пролистала ее паспорт, мельком взглянула на фотографии, анкету, справку с работы. Одобрительно кивнула, сунула в папку с ярлычком: «В ПОСОЛЬСТВО!»

А едва открыла Димин документ – нахмурилась. Вскинула на Надю взгляд. Вымолвила грозно:

– Вы что мне принесли?

Надя растерялась:

– Паспорт.

А менеджер уже стучала острым ногтем по первой страничке:

– Он только до сентября!

– Ну и что? Мы же в июле едем, – удивилась Надежда.

– Вы первый раз, что ли, за границу? – усмехнулась туристическая дама. И снисходительно просветила: – Неужели не знаете? Визу ставят, если паспорт минимум в течение шести месяцев действителен!

И резким щелчком подвинула к Наде бумаги Полуянова:

– Пусть сначала новый загранпаспорт получит.

– Но это же целый месяц! – пискнула Митрофанова.

– Можем за два дня сделать. По срочному тарифу, – услужливо предложила менеджер.

И назвала сумму вдвое больше, чем стоимость всей их поездки.

Пришлось забирать документы и позорно ретироваться.

Митрофанова еле дождалась, пока Дима вернется домой. И (впервые в жизни!) закатила сердечному другу жуткий скандал. Ведь Дима, в отличие от нее, за границей бывал не раз! То в Египет он едет нырять, то в Альпы – на лыжах кататься. Прекрасно должен бы знать о посольских правилах!

Полуянов, конечно, оправдывался: мол, виноват, но он не нарочно. Понятия якобы не имел, когда у него паспорт кончается. Думал – еще через год. Однако Надя не поверила. Кричала запальчиво: «Потому и шорты себе не покупал! И отель выбирать со мной не хотел! Знал просто, что ничего не получится!!!»

А когда выпустила пар, горько расплакалась.

– Ну, поезжай сама, – предложил Дима.

Однако Надя зарыдала еще горше. Какой интерес?! В гордом одиночестве лежать на пляже, и в ресторане без спутника неуютно, и на экскурсиях умрешь со скуки!

– Тогда давай до сентября отложим, – пожал плечами Полуянов. – Еще лучше: бархатный сезон, народу поменьше.

– Нет! Я сейчас хочу! Я уже настроилась! – возмущенно выкрикнула Надежда.

И неожиданно для себя самой грозно добавила:

– Никогда тебе этого не прощу.

– Надька, ну забыл я, понимаешь, забыл! – покаянно произнес Полуянов. Попытался было зарыться лицом в ее волосы, но она отпрянула. И печально произнесла:

– Знаешь, Дима... Наверно, зря мы с тобой пытаемся склеить то, что давно разбито.

– О чем ты говоришь? – искренне удивился он.

– Да о том, что плевать тебе на меня. Просто плевать, – вздохнула она. – Подумаешь, настроилась, собиралась, заявление на отпуск написала. Что за мелочь!

– Надюшка, да я сам собирался! – абсолютно честным голосом произнес он. – Ну, человек я такой: в документах у меня вечно путаница. Права тоже просрочил, помнишь, меня штрафовали?

Однако извинений Надя не приняла. И в спальне отодвинулась на самый краешек кровати. Даже не потому, что хотела Димку наказать – просто слишком горько было на душе.

Полуянов обнять ее тоже не попытался. Вдыхал на своей половине постели, ворочался. Но раскаяние длилось недолго: через полчаса захрапел. И утром, когда Надя на работу собиралась, дрых без задних ног. А она смотрела на любимое (да, по-прежнему любимое!) лицо и горько думала: совсем не нужна она Димке. Принесет ей вечером цветов, пару дней походит шелковый – а потом ускачет с чистой совестью на свой Байкал.

А она верной, хоть и невенчанной женой останется ждать его в душной Москве.

* * *

Все разговоры сейчас в столице только про жару. А «Молодежные вести» хлебом не корми – любят про аномалии писать. Вот и освещали без устали популярную тему.

Прогнозы погоды перенесли на первую полосу. Журналистов отправляли выяснять: не заберут ли в милицию, если купаться в фонтанах? Насколько прогрелась в подмосковных водоемах вода? Куда можно быстро и дешево сбежать в отпуск в прохладное местечко?

Отдел здоровья поставлял статьи, как легче пережить зной. Молодняк из отдела новостей с удовольствием выяснял, где в столице можно покататься на водных лыжах или байдарке. Полуянов тоже не остался в стороне. Пообщался с известным психологом. И выяснил, что хуже всего жару, оказывается, переносят мужчины в возрасте. Курящие, пьющие и на ответственных должностях.

Один в один портрет их главреда. Тот всегда имел склонность к тирании, а сейчас, в духоте и гари, совсем разошелся. На планерках больше никакого конструктивного разговора – абсолютное единоначалие. Будто школьный директор нерадивых учеников отчитывает. Достаётся всем – даже «зубрам».

За беззубость. За неграмотный оборот «памятный сувенир», проскочивший во вчерашнем номере. За интервью с очередной бездарной звездочкой: читатели взорвали сайт вопросами: «А кто она вообще такая?» За репортаж (изрядный, на разворот!) с недели высокой моды.

– Мы не гламурное издание, а ежедневная газета! – бушует главнюга. – Кто будет читать о нарядах за тысячи евро?!

И требует, требует интересное, актуальное, острое.

Только где ж хорошую тему взять?

Кругом одни проблемы, страдал Полуянов. На улице – жара, на работе – придирки. Да еще с любимой девушкой он поругался жестоко. Диме в голову прийти не могло, что кроткая библиотекарша способна на столь резкие заявления: «Ты предатель! Ты все заранее знал! Я вообще с тобой ничего общего иметь не хочу!»

Спасибо, хоть чемоданы ему не кинулась паковать.

Подумаешь, преступление: забыл, что у него загранпаспорт кончается.

Надька, правда, пеняла: «Если б с фотомodelью на курорт ехал – тысячу раз бы все проверил!»

Может, она и права.

Злого умысла, конечно, у него не было. Но сердце в преддверии поездки в Испанию предвкушающе не билось, не замирало. Из раскаленной Москвы сбежать хорошо, конечно, но... Что он в курортной Испании забыл?

А теперь, когда поездка сорвалась, дома хоть не показывайся. Надюшка, какой ни есть образец кротости, никогда ему не простит, что лишь поманил волшебной страной. И ее собственный отпуск сорвал. А она ведь пляжных нарядов накупила, перед подружками похвасталась своими грандиозными планами.

«Надо в командировку сбежать, – трусливо думал Полуянов. – А то окончательно запилит».

Но куда?

Имелась у него пара тем. Автопробег по маршруту Россия – Финляндия. Фестиваль современной песни в Юрмале. Но только отпустит ли его прохлаждаться изнуренный жарой главнюга?

Ох, найти бы письмишко с чем-нибудь, как начальнику хочется, общественно значимым! Желательно из Питера, прохладная Прибалтика тоже сойдет.

Но в папке с надписью ИНТЕРЕСНОЕ обратные адреса, как назло, то Новочеркасск, то Рошаль, то село Рюменское Владимирской области.

Может, в Иваново, город невест, податься? История вроде занятная: трое девиц (правда, не ткачих – торговок с рынка) не поделили одного мужичка и устроили меж собой настоящую бойню (две подружки оказались в реанимации, одна на больничном).

Но журналист посмотрел прогноз: в Иваново на будущей неделе до плюс тридцати семи.

Нет уж. Лучше дома Надькины придирки терпеть.

* * *

Иван Петрович Крамаренко всегда появлялся во дворе первым, за полчаса до дворничихи тети Шуры. Ответственно, будто всему хозяин, обходил территорию. Изгонял котов, что имели наглость развалиться в палисаднике. Осматривал припаркованные машины – целы ли стекла. Смущаясь (не увидел бы кто из окна) здоровался с Шоколадкой. Шоколадка, огромная несуразная псина, прибилась к их двору с незапамятных времен. Бестолковой была собака, команд не знала, имущества не охраняла, бросалась ко всем с горячими слюнявыми объятиями. Соседи чуть не каждый день грозились вызвать ветеринаров, усыпить, увезти. Иван Петрович на публике Шоколадку громче всех ругал. А украдкой, если никто не видит, жалел ее, взъерошивал на башке комкастую шерсть, с доброй улыбкой отталкивал, когда грязнила лапами одежду. Старая собака, никчемная, глупая – но тоже ведь живое существо. Как он сам. И одинокое.

Жена умерла, старший сын подался в Америку. Дочка, правда, неподалеку, в Краснодаре, но внуками не нагружает – боится доверить детишек одинокому старику. Тем более что давление у него. И чудит он, как во дворе говорят.

Странные у нас все-таки люди. Кто пьет до белой горячки, жену метелит, по тюрмам жизнь тратит – те нормальные. А он всего лишь встает до зари. Купается в море почти в любую погоду. Официальную никуда не годную медицину давно заменил на травы (потому, наверно, и жив до сих пор). И еще равнодушие людское ненавидит. Борется с ним, как может.

А люди: чужак, чужак.

Хотя только он один за всех добился, чтобы в доме наконец капитальный ремонт сделали. Куда только не писал, даже самому президенту, целая папка официальных бумаг скопилась. И палисадник у них во дворе – загляденье, тоже его рук дело. А Петьке из восьмой квартиры того больше – личное имущество вернуть помог. И где благодарность? Бутылку сосед, конечно, поставил – водочка дешевенькая, дрянная, даже для настойки не используешь. А за спиной Петро вместе со всеми хихикает: нашелся, мол, Шерлок Холмс!

Хотя Иван Петрович целую спецоперацию, считай, провел – в личное время и на общественных началах.

Сосед Петька занимался, как вся молодежь, бизнесом. Разъезжал на новеньких «Жигулях» и машину свою холил, как любимую женщину. Труба у глушителя хромированная, чехлы на заказ пошиты. Для дисков музыкальных специальная подставка на виду, ворах лучшая приманка. Да еще вечно забывал в своем транспорте то телефон, то кошелек или покупки в пакетах ярких. Иван Петрович сколько раз его предупреждал: ограбят. Но Петька же смелый – только фыркал: «Пусть попробуют!»

И дождался: вскрыли ночью его «ласточку». Утащили ерунду – блок сигарет да всю коллекцию музыкальную вместе с красивой подставкой. И замок сломали, пришлось на сервис гнать. Петька побушевал, поматюкался на весь двор, но даже в милицию не стал заявлять. Только ставил теперь машину всегда под окнами и грозился: если грабителя завидит – пристрелит.

Но спал он, видно, крепко. Потому что, когда явился супостат вновь, его один Иван Петрович засек. Засиделся по-стариковски у телевизора, черно-белого Феллини по «Культуре» смотрел. А как закончилось кино, в четвертом часу утра, по привычке в окошко выглянул. И пожалуйста: у Петькиных «Жигулей» маячит темная фигура, вид вороватый, а вот и стекло уже хрустнуло.

Иван Петрович, даром что человек пожилой, план действий выработал молниеносно. В милицию звонить бесполезно, посмеются, а если приедут, то лишь через пару часов. Самому в схватку ввязываться не по возрасту. Выскочил, как был, в пижаме в подъезд, добрым молодцем пробежал на первый этаж, замолотил в дверь Петькиной квартиры.

И взяли вместе с соседом жулика тепленьким. Тот, чтоб дело до милиции не доводить, на все согласился: и ущерб возместил, и божился, что больше в их двор ни ногой. Ивану Петровичу даже пришлось осаживать Петьку, чтоб человека не покалечил. Воренок-то оказался маленьким, хлипким, в чем душа только держится.

Иван Петрович после этого случая неделю героем ходил. Все разговоры во дворе про него, и дамочки прямо стелились, особенно те, кому к семидесяти. Но своим в доску все равно не стал. В шахматы продолжал играть сам с собой. И с

палисадником ни один человек не вызывался ему помогать. А детвора продолжала хихикать и звать его колдуном (из-за трав придумали, потому что у него на окне всегда пучки висят, сушатся).

Одиноко, конечно, когда всех друзей – глупая дворовая псина Шоколадка. Чтобы не скиснуть, только и оставалось постоянно себя самого шевелить, развлекать, подстегивать. Ледяные купания, хорошие книги, что в молодости прочесть не успел, пять газет выписывал, включая местную «Приморский вестник».

Дрянная газетка, с опозданием в два дня перепечатывала все, что он уже по телевизору видел, но изредка и в ней интересное встречалось.

Оттуда узнал, что на коммерческом пляже, который Институт моря открыл, несчастный случай произошел. Молодая совсем девчонка далеко за буйки заплыла и под моторную яхту попала. Капитан сделал все, что мог, но столкновения избежать не сумел. Неосторожная юница погибла, проводится проверка, судоводитель принес родителям покойной искренние соболезнования и обязался им помогать вне зависимости от того, признают ли его виновным.

Ивана Петровича эта история взволновала, захотелось узнать детали. Их поведали ему во дворе, городок у них небольшой, почти все друг другу знакомые или родственники.

Девчонка, толковали местные сплетницы, вроде пьяной была. И вообще, по жизни без царя в голове: гоняла с парнями на мотоциклах, гуляла по дискотекам. Вот и закончила земной путь под винтом яхты. А о капитане отзывалась с уважением: честный человек, не каждый согласится материальную помощь семье оказать. Хотя мог и вовсе откреститься, коли погибшая сама виновата.

Казалось бы, посочувствуй да забудь. Однако не таков был Крамаренко. Да и давно он хотел на пляже Института моря побывать. Посмотреть, что там устроили – на федеральной, между прочим, земле.

Институт моря располагался в нескольких километрах от города, в шикарном месте – на берегу, в окружении сосен. Десять гектаров леса ему принадлежало. Был он когда-то совершенно закрытым учреждением – вход только сотрудникам, а если хочешь, допустим, внука привести, чтоб в чистой водичке искупался,

нужно на имя директора заявление писать.

Жизнь институт влачил, как вся российская наука, бедную, но независимую. А в последние годы его начальство вдруг сменило курс. Науку побоку, коммерцией занялись: санаторий на территории открыли. Ресторан. Два кафе. Ночной клуб. пляж, в городке болтали, гнездо порока.

Вот там несчастный случай и произошел.

Иван Петрович отправился к институту на собственной дряхлой лодке. Во-первых, чтоб изрядных денег за вход не платить. А во-вторых, видно с моря куда лучше.

Лодка у пенсионера Крамаренко тоже была не как у других. Все нормальные мужики в их городке обязательно с мотором покупали. Пусть в десять лошадей, но ревет, везет, хоть черепашьям шагом, но ты за штурвалом барином. А он себе весельную приобрел, когда в санатории ее списывали, по дешевке. Подновил, подкрасил, весла купил новые, алюминиевые – отличное получилось транспортное средство! Помогает себя в форме держать, бицепсы у него – камень, в его-то семьдесят семь! И для тренировки сердечной мышцы чрезвычайно полезно. А тем, кто насмешничал над его лечебной греблей, Иван Петрович отвечал словами классика: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» И рыбы в сезон приносил побольше, чем другие, нормальные.

До пляжа Института моря, правда, грести было далековато. Но пенсионер держался, терпел. Успокаивал себя: за справедливость бороться всегда тяжело.

Из акватории чужой его гнать не стали. Рыбачит дедок – и пусть его.

А Ивану Петровичу двух дней дрейфа хватило, чтоб понять: ситуация на пляже частном совсем нехорошая. Спиртное льется рекой – на территории два кафе. Спасатели сонные. Закон писан далеко не для всех. Для водных мотоциклов и прочей техники специальный коридор, конечно, имеется – но Иван Петрович своими глазами видел, как ухарь на мощном катере прямо в зону для купания залетел. И орал пьяным голосом: мол, море сегодня тихое, а я сейчас шторм вам устрою! Те, кто постарше, благоразумно улепетывали, зато молодежь глупая качалась на волне, практически под винтами, и хохотала. А спасатели спокойно сидели на берегу и резались в карты. Предпочли не связываться: катерок

дорогой, и за штурвалом кто-то, похоже, влиятельный. А такие у них в крае творят все, что хотят.

Запросто и девчонка погибшая могла в законной зоне для купания свою смерть встретить. А менты местные, Крамаренко знал, всегда встают на сторону тех, у кого денег больше.

Кому же сигнализировать о беспределе на пляже? В мэрию да и в МЧС краевое, он понимал, писать бесполезно. Лучше уж сразу в центральную газету.

Тем более что моторная яхта, задавившая школьницу, продолжала как ни в чем не бывало бороздить водные просторы.

И за нею – как и за прочими плавсредствами, что швартовались у причала Института моря, – Иван Петрович наблюдал теперь пристально.

* * *

Когда ехал домой, Дима не сомневался: ужин сегодня не светит. Надюха у него пусть и образец кротости, но дуться теперь будет минимум неделю. Придется ему на бутербродах и чипсах сидеть. Что ж, в жару и с пивком вытерпим.

Однако еще в подъезде он учуял ароматы: жарится рыбка. И, судя по запаху, совсем не мойва. Да и встретила его Надежда добродушной улыбкой. Провокационный сарафанчик, правда, не надела – мучилась в длинной юбке. Чмокнула в щеку, проворковала:

– Ой, Димочка, как ты вовремя! У меня уже осетрина готова.

Осетрина? После вчерашнего скандала?

Полуянов подозрительно взглянул на подругу: что она затевает?

А Надька добила:

– И пиво я в морозильник засунула, должно уже остыть.

Нет, явно где-то подвох.

Однако Надя держалась совершенно мирно. Весь вечер чирикала о библиотечных новостях, сетовала на жару. И когда переместились к телевизору, небрежно произнесла:

– Я, кстати, послезавтра уезжаю.

– Куда еще? В Кисловодск свой?

– Ну зачем он мне? – пренебрежительно фыркнула Митрофанова. – Раз загранпаспорт у меня есть.

– Неужели в Карловы Вары? – продолжал гадать Дима.

– Нет. – Она лукаво взглянула на него. – В Италию.

– В Римини? На море?

– Нет. В Милан. – Надя вымолвила название города с придыханием.

И поведала: ее коллега, некая Катюшка из отдела каталогов, оказывается, замуж выходит. И за кого – за итальянского графа! Познакомилась с ним в прошлом году, когда в Милан на экскурсию ездила и одна-одинешенька ходила в Ла Скала. Думала, просто курортный роман, но кареглазый мачо весь год ей страстные письма писал. А когда в мае Катя снова поехала к нему в гости – познакомил ее с родителями и предложил руку и сердце!

– Так что очень хорошо, что с Испанией ничего не вышло, – триумфально закончила Надя. – Свадьба через три дня, а Катя себе еще даже платье не выбрала. Как раз помогу ей и подружкой невесты буду.

Полуянов еле удержался, чтоб не хмыкнуть. Итальянские графы, конечно, русских девушек любят. Любой горазд погулять да откупиться побрякушкой. Но звать замуж? Надька могла что-то и поинтереснее соврать. Слишком уж вовремя свадьба образовалась.

Так что выдумывает все красавица. Просто позлить его хочет. Ждет, что он ее удерживать будет.

– Езжай, конечно, – кивнул Дима. – И обязательно мне виски в дьюти-фри купи.

– Хорошо. – Спокойно откликнулась Надя. – Какое?

И аккуратно записала название в блокнотик.

«Смешная женская месть», – пронеслось в голове у Димы.

Однако ночью, когда Надя блаженно посапывала, обняв его подушку, он заглянул в ее электронную почту – благо, свой пароль она от него не скрывала.

Переписка с туристической фирмой, ссылки на ответы с женских интернет-форумов, горячее обсуждение рецепта говядины под шафрановым соусом... а вот и некая Katya. Дима, нимало не смущаясь, открыл письмо. И в изумлении уставился на фотографии: тощая, ярко накрашенная девица у Пизанской башни в обнимку с пухленьким, средних лет толстяком... Вот они же – на развалинах Колизея. А третья фотка изображала уже другого мужчину. Не молодого и тоже с брюшком. Но взгляд уверенный, на запястье – дорогие часы. И подпись: «Это Марио, свидетель со стороны жениха. Не женат, работает в банке и явно тебе понравится!!!»

– Дима! Ты где?... – томно окликнула из спальни Надюха.

Полуянов быстро захлопнул окошко почты.

А Надюшка, оказывается, не теряется!

* * *

В такие ночи, как эта, Хозяин не спал – процесс контролировал всегда сам, хотя и не по статусу ему.

Позвонил в четыре утра, едва они пришвартовались у пирса. Требовательно спросил:

– Как все прошло?

– Без проблем.

– «Хвоста» не было?

Капитан секунду колебался:

– Нет.

– Точно?

– Можете на меня положиться.

Не упоминать же смешного старичка, рыбачившего поблизости на убогой весельной лодке.

* * *

Сколько себя помню, я всегда мечтала о нормальной семье. Иногда специально выбиралась на Набережную, главную, считай, магистраль нашего городка, чтоб завидовать. Пожилыми вечерами народ на прогулки семьями выходил. Отец – добрый от теплого воздуха и пива. Мама – немного усталая, но счастливая. И дети – в парадных одеждах, щеки в мороженом, у каждого по новой игрушке.

Мне подобного и не снилось.

Отец – ладно, папашки нынче мало у кого есть. Но мне с мамкой тоже не повезло. Пила, гуляла, сидела два раза. Хотя теткой была по-своему неплохой. Если вдруг накатывало на нее, и квартиру могла надраить, и картошечку жареную на стол метнуть, и колготки мне штопала. Но хватало ей куражу максимум на день. А за настоящим семейным ужином, конечно, позволяла себе стопочку, другую... и все, понеслось. На следующее утро в школу приходилось

вставать самой. И за пивом матери на опохмелку бежать – Эдик всегда отказывался.

Эдик Смолянинов – это мой брат. На пять лет старше. Сводный, по матери, – «отцы» у нас дома дольше года не задерживались. Некрасивый, весь в батяню, как мать говорила. Но умный – вообще с ума сойти! Читать выучился сам, когда ему пять лет было. В школе круглые пятерки получал. Но не ботан – пусть физически не особо крепок, но злости в нем на десятерых хватало.

Естественно, я Эдьку боготворила. А он меня презирал. Ну, как водится: девчонка, младше, да еще и глупая. Пытался воспитывать, как умел. Совал книгу и грозил: если я за три дня ее не осилю да не смогу пересказать, все косы вырвет. Я злилась – кому нынче книги нужны? Но читала. Сначала чтоб по башке не получить, а потом уже и привыкла. Особенно про девятнадцатый век мне нравилось: кринолины, принцы, бриллианты, интриги.

Но ученой дамы, как брат ни старался, из меня все равно не вышло. Потому что не хотела корпеть над талмудами, испортить глаза (а очки мне жутко не шли), да еще и старой девой остаться. Я лет с четырнадцати выйти замуж мечтала. Не обязательно за принца: понимала прекрасно, что сама не царских кровей. Но нормальный парень, с работой, непьющий и с деньгами кое-какими, надеялась, мне попадется.

После школы брат уговаривал пойти в институт. (Эдик к тому времени уже в аспирантуре учился в краевом центре.) Пел красиво, чем купить, знал: мол, в большом городе и жизнь шикарней, и мужиков выбор больше. Но какая из меня студентка – с тройками по всем предметам, кроме истории и физкультуры? Да и выкидывать пять лет на зубрежку просто глупо. Потому поступила я в колледж (считай, ПТУ). Но на специальность престижную – секретарь-референт. Рассуждала, что секретарша, да молодая-симпатичная, без работы никогда не останется. К тому же очень удобно мужей искать в приемной, когда из-за монитора выглядываешь.

«Овца ты, Виолка, – припечатал брат. – Перспективу вообще не рубишь».

Пусть не рублю – но братику мой резон не понять. Устала уже, что в школе вечно надо мной смеются: в обносках, без денег, дочка пьянчуги. А в институте вообще затравят: мало что нищая, еще и глупая. Зато в колледже я звездой сразу стала.

Печатаю быстро, мысли излагаю складно, пишу почти без ошибок (помогли, видно, навязанные братом книжки). И пусть одеваюсь по-прежнему бедно, но зато фигура что надо, лицо без прыщей, и здоровая наглость присутствует.

Даже брат укорять перестал, но мозг все равно компостирует: чтоб замуж не совалась. И, главное, дите в молодые годы не завела, в пеленках не погрязла, а то, пугал, жизнь сразу кончится.

Тут я с ним полностью соглашалась. Куда спешить? Тем более с парнями встречаться и безо всякого замужества можно. И выбирать потихоньку.

Впрочем, в нашем городке выбор не богат. Все перспективные кадры давно по столицам разбежались. А местный офисный планктон – клерки в банках, менеджеры в торговых фирмах – нарасхват. Остаются только автослесари да мелкие бандиты, но за такого мужа и брат пришибет, и самой не хотелось.

Встречалась, конечно, например, с водителем такси (обалденная, накачанная фигура) – для здоровья. Со студентиком московского иняза, он в Приморск на каникулы приезжал, – надеялась, что под венец позовет. Но нюхом чуяла: все без перспективы, не мое.

И тут появился Вадим Андреевич.

С ним мы на Набережной познакомились – у нас в городе больше нигде. Там каждый вечер толпы: старухи закатом любят, дети по парапету ходят. Кафешки, музыка, летом курортников полно. Мы с девчонками из училища на лавочке пивом баловались – бутылки газетками обернули, чтоб менты за распитие в общественном месте не привлекли. А Вадим Андреевич мимо проходил, весь из себя сосредоточенный, важный. Мы на мужиков, ясно дело, поглядывали, но этого даже обсуждать не стали. Сразу видно: не кандидат – лет больше пятидесяти, да еще и приличный. А он вдруг словно вкопанный встал. Облокотился на парапет, с нашей компаши глаз не сводит. Ну, мы гадать стали, больше для смеха: кто он такой? На инспектора по делам несовершеннолетних не похож, на папика, что на молодых девчонок западает и спонсором быть сможет, тоже. Скорее учитель, а то и доктор наук. Но что ему до нас, пэтэушниц?

– Эй, дядя, закурить есть? – решила приколоться Маринка, моя подружка.

Думала задачу мужику облегчить, но тот еще больше смутился. Буркнул: «Не курю». И отлепился наконец от парашюта, дальше пошагал. Но по пути раза два оглянулся.

– На тебя, Сырок, смотрит, – со знанием дела заверила Маринка. (Сыркою меня из-за имени называли – потому что Виола.)

– Нужен мне сто лет старый хрен, – буркнула я.

И про дядьку странного немедленно забыла.

А дня через два мы с ним опять на Набережной столкнулись. Я спешила на свидание в модную кафешку «Фрегат». А мужик этот (в руках портфельчик, смех!) ко мне наперерез с лавочки метнулся. И, обалдеть, кадриться взялся, будто молодой. Пристал: как зовут, куда спешишь?

Я хотела с ходу его отбрить. Но потом присмотрелась: лицо красивое даже, хотя он и старый. Костюм – нормальный. Обручального кольца нет. Потому вежливо ответила: зовут Виола, учусь в колледже, спешу, наврала, на концерт. И сама начала выпрашивать: ты, мол, кто таков? А он из обтрепанной визитницы карточку вытащил, протянул: ничего себе! Огромными буквами: «Институт моря». И должность – директор.

Про институт у нас в Приморске все знали. При социализме он градообразующим предприятием был, ученые со всего Союза Советского туда ехали. Когда перестройка грянула, загнил – но не умер. Сотрудники продолжали выходить в море на чухлом ботике, брали пробы воды, однажды выставку в доме культуры устроили: виды водорослей и прочих медуз. Я сходила: прикольно. И пляж у них изумительный. Вот представьте: целый километр прибрежной полосы. Дно – мелкая галька. Вода чистейшая. Впереди – море, сзади – парк. И народу никого. Только попасть туда непросто: нужно пропуск иметь, что в Институте моря работаешь, а где его достанешь? Вот я и подумала: выцыганю заветную бумажку у директора! А заодно время культурно проведу. Дядька – стопроцентный интеллигент, в сауну не потащит. Во всяком случае, не в первый же вечер.

Вот и встретились – раз, два... Угощал, танцевали, про книжечки беседовали. Вел Вадим Андреич себя культурно, под юбку не лез. А на третьем свидании (в лучшем ресторанчике городском) мы с моим братом столкнулись.

Эдик подходить к нам не стал, только глянул насмешливо и тем же вечером учинил мне допрос: кто кавалер?

Я поведала.

– И серьезно у вас? – оживился брат.

– С ума сошел, – фыркнула я. – Дядьке почти шестьдесят. И жена у него инвалид. Похожу с ним, пока кормит бесплатно. А начнет в койку тащить – пошлю.

Ожидала, что брат, разумный человек, скажет: «Правильно!»

Однако Эдик отрезал:

– И думать не смей посылать.

– Почему? – обалдела я.

А он задумчиво произнес:

– Сам не знаю пока. Но нюхом чую: хахаль твой нам еще пригодится.

* * *

По дороге с работы Дима купил пива, чипсов, три диска с фильмами и предвкушал, как он будет наслаждаться. С Надькой, конечно, удобно – и накормит, и рубашку погладит, но от семейных радостей тоже отдыхать надо.

Отпер дверь. С удовольствием бросил ботинки посреди коридора, а не на специальную полочку, как того требовала Митрофанова. Выпил воды из носика чайника. Включил любимый спортивный канал, прямо у телевизора закурил. Красота!

Надюха сегодня утром отбыла в свой Милан. Уже доложила по прибытии: все прекрасно, долетела, встретили, гостиница отличная, магазины фантастические, кухня феноменальная. Нет бы просто эсэмэску прислать – на междугородний разговор потратилась, и голос звучал радостно. На заднем плане, Дима слышал, играет томный саксофон, переговариваются оживленные голоса, в том числе мужские.

– Где ты сейчас? – поинтересовался он.

– В ресторане, – откликнулась Надя. – С Катей, ее женихом... ну, и еще несколько человек.

– Cara, per favore la pizza, – услышал Полуянов вкрадчивый мужской голос.

И Надюха сразу заспешила:

– Ну ладно, Димуля, нам горячее принесли. Пока, целую!

Она, значит, для кого-то уже дорогая!

А ему приходится на пиве и чипсах сидеть.

Одному. В Москве. В духоте.

Он почти расстроился.

И вдруг – звонок.

Дима взглянул на определитель, обрадовался: Савельев. Его старый приятель из УВД. Познакомились давно и при обстоятельствах печальных[1 - См. роман А. и С. Литвиновых «Эксклюзивный грех»]. А сейчас, спустя годы, сдружились. По возрасту они почти ровесники, по уму – примерно равны. И девочек оба любят. Полуянов, правда, состоит в гражданском браке, а Савельев недавно разошелся с надоевшей женой и был неприкрыто счастлив.

Общались с удовольствием, взаимовыгодное сотрудничество вели.

Савельев (нынче майор) консультировал Полуянова по профессиональным вопросам, пару раз подкидывал ему интересные темы. Журналист всегда внимательно слушал его и щедро благодарил (коньяки, сигары). А сейчас, интересно, по делу звонит майор или просто поболтать? Дима обоим раскладам был рад.

– Чем жив, друг? – приветствовал его Савельев.

– Тоскую, – хмыкнул Дима. – Подружка моя в Милан умотала.

– И очень хорошо! – бодрым тоном откликнулся тот. – Значит, гульнем! У меня день рождения завтра, помнишь?

– А то! – соврал журналист. – Подарок уже купил.

– Главное, себя привози...

Савельев сказал, в какой ресторан, назвал время.

На прощание заверил:

– Стажерок позвал, молодых, горячих.

Дима положил трубку. Улыбнулся.

Вот и решилась проблема неприкаянных холостяцких вечеров – по крайней мере, одного.

А на следующий день ему и на работе повезло.

Ломал, ломал глаза над читательскими посланиями, уже теряя надежду. И вдруг выловил: писанное от руки, старательным старческим почерком:

Уважаемая редакция!

Считаю своим долгом сообщить вам о безобразиях, творящихся в моем родном городе Приморске.

На основании статьи шестой Водного кодекса Российской Федерации каждый гражданин вправе иметь доступ к водным объектам общего пользования и бесплатно использовать их для личных и бытовых нужд. Однако мэру нашего города и приближенным к нему лицам закон не писан. Более половины городских пляжей отданы в аренду санаториям, домам отдыха и частным фирмам. Особенно поразительна история, случившаяся с некогда закрытым пляжем Института моря. Вход туда не только сделали платным и доступным для всех – там, фактически на территории научного учреждения федерального значения, происходят самые настоящие оргии. Рекой льется спиртное, проходят дискотеки. Совершенно бесконтрольно, фактически по головам купающихся, носятся скутеры и прочая водная техника...

Дима зевнул и хотел было отложить листок из линованной школьной тетрадки. Обычная старческая ворчня. Но все же стал читать дальше – и награда последовала.

Сердце, как всегда, в предвкушении интересной темы екнуло.

Он бросил взгляд в конец письма: не дай бог, аноним, тогда ехать бессмысленно.

Однако все чин по чину, и подпись имеется: Иван Петрович Крамаренко, ветеран труда. И адрес – город Приморск, улица Школьная.

«Приморск, – пропел про себя Дима. – Звучит заманчиво».

Вывел на экран монитора справку: город в Краснодарском крае, население – двадцать тысяч. Санатории, дома отдыха, в прошлом году построили аквапарк. Вода в море – двадцать семь градусов!

И какая тема!

* * *

Главред подписал ему командировку без звука. Даже не ворчал, что Полуянов за казенный счет на курорт едет. Тоже чуял, матерый журналистище, что сенсацией пахнет.

А Савельев, которому Дима нынче же вечером вкратце (за рюмкой) обрисовал ситуацию, отреагировал мгновенно:

– С душком история.

– Вот я в ней и разберусь! – самоуверенно заявил Полуянов.

– Смотри, – предупредил майор. – На рожон не лезь. И ментам местным не доверяй. У них там, на югах, круговая порука... Резню в станице вспомни!

И поднял очередную рюмку:

– Ну, давай за твою командировку! Мне б такие: в июле да на курорт!

– Влипну – позову тебя на подмогу, – хмыкнул журналист.

– Ага, и командировочные оплатишь, – вздохнул Савельев.

Разговор перекинулся на женщин. Майор прекрасный пол отчаянно ругал. Дима пытался защищать. Хотя стоило ли? В свободной жизни преимуществ масса. Под утро вернулся домой – помятый, не очень трезвый... Прошел прямо в ботинках в спальню. Не раздеваясь, упал поперек постели. И никаких тебе обид, обвинений и сцен...

Когда уже засыпал, подумал: написать, что ли, Надькиному, как его, Марио? Чтоб ее забирал, девчонка хорошая, и лично он, Полуянов, не против.

Даже текст письма начал в уме составлять – но не закончил. Уснул.

Занимался рассвет, за окном таджики шуршали метлами и беззаботно орали птицы.

* * *

Полуянов решил никого в Приморске о своем приезде не предупреждать. Прежде самому ситуацию надо оценить, прощупать.

Отправился в городок обычным курортником. Гостиницу заказал по Интернету, билеты покупал лично.

До места добрался легко. В аэропорту настоящий очаг цивилизации обнаружился: пункт проката автомобилей. Выбор был невелик (исключительно отечественный производитель), зато цены абсолютно западные, словно «Альфа-Ромео» в Милане, тьфу, арендуешь. Но что ему до расценок – бухгалтерия оплатит. Выбрал самую новую из машин – «Ладу Приору» – и покатил. Горы, высокое южное небо, у обочин персики продают – красота!

Гостиница, правда, подкачала: номерок крошечный, духота, кран в туалете течет. Но заказывать местные пять звезд по триста долларов в сутки Дима поостерегся. В редакции и без того ворчали, что на юг в командировки можно ездить лишь в межсезонье, а сейчас, в июле, он своими счетами родные «Молодежные вести» разорит.

Дима во всю ширь распахнул окно. Однако лучше не стало: воздух горячий, к тому же шашлычный мангал внизу, сразу потянуло дымком и не очень свежей свининой.

А ночами пьяные вдобавок будут орать.

Ну, ничего. Главное, море рядом.

Хотя пока водным простором даже не пахло. Куда менее аппетитные ароматы витали: выхлопы авто, попкорн, чебуреки. И народ в большинстве поддатый. Понять людей можно: на каждом углу – местное вино из бочек, разливное пиво да бабульки с домашней чачей.

Впрочем, ему не до выпивки было.

Сел у окошка, закурил, задумался. С чего начать?

Контактов пока негусто: во-первых, Иван Петрович Крамаренко, ветеран труда – тот самый, что написал в редакцию.

Еще Дима нашел в Интернете сайт городской газетенки. Прочитал, что писали местные журналисты про несчастный случай в море, и фамилию капитана яхты узнал: Матвей Задорожный.

По милицейской базе установил: тот проживает в Приморске, адрес такой-то, судимостей не имеет.

Про девушку погибшую информации никакой – в газете ее именовали «Лидой К.».

Ну, и карту скачал, где пляж Института моря искать, – за городом, в стороне от общедоступных, примыкает к парку.

Вот, может, с него работу над статьей и начать?

А заодно и в море искупаться.

* * *

Пляж Института моря Полуянову сразу понравился. Спрятан меж двух скал, ухожен, уютен. Примыкает к симпатичному парку. Вместо разномастных, вкопанных в гальку зонтиков – стационарные навесы. Возлежит публика не на китайских подстилках, но в белых шезлонгах. И никаких, конечно, домашних трапез, помидоров вперемешку с воблой: интеллигентное пиво на разлив, коктейли в стеклянных бокалах.

За вход, однако, взяли пятьсот рублей. Даже он, журналист центральной газеты, печально вздохнул. А рядовым курортникам такой комфорт тем более не по карману. У кассы грозная табличка: «Дети проходят по отдельному билету, льгот нет!»

«Чек подсуну к отчетным документам, пусть бухгалтерия раскошеливается», – решил Полуянов.

Хотя мог, конечно, директору института позвонить – чтоб бесплатно провел. Однако Диме хотелось первый раз посетить пляж инкогнито. Понаблюдать, что за люди здесь, какова атмосфера.

Народ, он сразу понял, тут непростой.

То там, то здесь стайки ухоженных девиц. Смакуют коктейли, щебечут. Глазами по сторонам (вот удивительно!) особо не стреляют – неужели просто отдыхать пришли, а не за мужиками охотиться?

Много парочек, молодых и не очень. Пенсионеров, естественно, ни одного. В огороженном лягушатнике под присмотром спасателей плещутся дети. Компания накачанных парней сдвинула десяток лежаков – но ведут себя смирно, пьют минералку, похоже, спортсмены на сборы приехали.

Очень чинно и даже скучно. Полуянов, пока шезлонг себе выбирал, симпатичной девушке подмигнул – та демонстративно отвернулась. Флирт здесь не в почете? Или красотка (с калькулятором в милой головке) мигом скумекала: он вовсе не олигарх, потому его и отвергла?

Однако девчонки походили, скорее, на мажорков, дочурок из очень обеспеченных семей. Кому с детства вбивают в голову: любой мужчина, а уж эффектный, наверняка мечтает наложить лапу на фамильное состояние.

Но где же водные мотоциклы, которые, как в письме в редакцию говорилось, «ездят прямо по головам купальщиков»?

Дима один-единственный разглядел – далеко, метрах в трехстах за буйками. Рулит рискованно, пируэты закладывает эффектные, однако угрозы пловцам явно никакой нет. И дорожка, ведущая от берега, на воде для него огорожена. Успели после происшествия меры принять?

Полуянов заметил еще несколько скутеров, болтавшихся на мелководе у окраины пляжа. Их караулил загорелый спасатель. Дима приблизился. Спросил:

– Покататься можно?

– А права у тебя есть? – вяло поинтересовался парень.

– Конечно! – не моргнув глазом, соврал журналист.

– На скутер?

– И на него тоже. Там, в сумке, остались, – Полуянов изобразил рукой неопределенный жест.

– Двести рублей минута. – Крепость пала на удивление легко.

Дима про себя крякнул. Ну и расценочки! И дал задний ход:

– Спасибо, подумаю.

– Думай, – презрительно откликнулся спасатель.

В его глазах читалось: «Чего сюда ходишь, голытьба, раз ничего себе позволить не можешь?»

А скутер, что в открытом море пену взрывает, уже полчаса катается, не меньше. Богатый человек!

И Дима специально выбрал шезлонг поблизости от водной стоянки. Посмотреть на лихого водного драйвера. А может, и разговор завязать.

Ждать пришлось минут двадцать. Наконец, скутер повернул к берегу. «Ездить по головам» не стал – чинно проследовал по водному коридору. Припарковал свой транспорт уверенно, безопасно. Небрежно сбросил на руки угодливо подскочившему спасателю пробковый жилет. Дима с интересом поглядывал в сторону скутерка... и с удивлением заметил – из-за руля выпрыгнула дама! Да какая! Молода, черноволоса, стройна! В ярко-зеленых глазах – восторг и отблески моря. И лицо совсем не похоже на маску, что традиционно на себя цепляют типовые черноморские красотки: «Я – выше вас всех и продамса только за миллион». А эта улыбалась, казалось, всему миру.

Дима резво вскочил из своего шезлонга. Уверенно приблизился к водительнице. Поинтересовался:

– Простите, ваша фамилия – Потанина? Та самая, чемпионка мира?

Не поймет? Или просто отошлет его? Тут, на резервации-пляже, дамы, кажется, не особенно любезны.

Однако девушка (не старше двадцати двух, он уже определил) просияла:

– Спасибо за комплимент! – И самокритично добавила: – Мне до ее уровня еще расти и расти.

– Это вопрос пары месяцев, – заверил журналист. Включил самую обаятельную из арсенала своих улыбок и немедленно бросился в атаку: – А частные уроки вы даете?

Прекрасная сирена поджала губки. Дима почти не сомневался: сейчас попросит его отвалить — девицы на российских югах это словечко обожают.

Однако красotka серьезно произнесла:

– Рада бы, только новичков у нас за руль не пускают! А пассажиром вы сами не захотите.

– Захочу. С вами готов хоть спасательным кругом! – мгновенно среагировал Полуянов.

– Вы приезжий. И, конечно, из Москвы, – вновь улыбнулась девушка.

– Догадались по акценту?

– Нет. По нахальству.

На безымянном пальце у прекрасной русалки золотилось обручальное кольцо, но муж, видимо, был далеко. Потому что девица почти игриво спросила:

– Как вас зовут?

– Дмитрий. А вы, наверно, Тефида?

Ожидал прочитать на хорошеньком личике недоумение, однако девчонка широко улыбнулась:

– Вы имеете в виду богиню водной стихии? Или спутник Сатурна?

Полуянов в показном ужасе сложил на груди руки:

– Очаровательна. Бесстрашна. И образованна! Я сражен.

– Я просто любезна с гостями нашего пляжа, – с напускной скромностью опустила она очи.

И, наконец, представилась сама:

– Виолетта Ларионова.

Фамилия показалась ему знакомой.

– Вы, наверно... дочка Вадима Андреевича? Директора Института моря? – предположил он.

И утонул в очередном ее кокетливом взгляде:

– Ну, почему сразу дочка? Я – его жена.

«Вот это да!» – пронеслось в голове у Димы.

Фотографию директора он видел – в Интернете, на первой странице сайта института. Мужчине явно за шестьдесят. Суровый взгляд, морщинистое лицо, регалий – на целый абзац. Взглянешь – и не усомнишься: скучный и правильный до зубовой боли. А в жизни оказался почти педофилом! Девчонка втрое его моложе! И, наверно, богатый – раз сумел зацепить эдакую красотку.

Хотя девочка при своем папике, похоже, скучала. Иначе б не кокетничала в открытую:

– А вы симпатичный. Надолго в наши края?

И губки соблазнительно облизывает, блеск!

– Пока не научусь водный мотоцикл водить, – мгновенно откликнулся Полуянов.

И наградил Виолетту ответным, не менее страстным взглядом.

Та заученным движением скромницы опустила головку:

– Вот вы настырный! Я же сказала: у нас на пляже за руль только опытных допускают.

– Тогда давайте пока начнем с теории, – с жаром произнес журналист. – Вы позволите угостить вас коктейлем?

Парень, стороживший водные мотоциклы, напряженно вытянул шею – беседа явно его занимала. «Наверняка профессору все доложит», – мелькнула мысль у Димы.

А Виолетта очаровательно улыбнулась:

– Хорошая идея! Только давайте здесь, на солнышке, а то я мокрая, в кафе замерзну.

И царственно обернулась к парнишке, потребовала:

– «Голубую лагуну» мне принеси. А молодому человеку... – Она вопросительно взглянула на Диму.

Тот, чуть не плаваясь под уничтожающим взглядом спасателя, извлек пятисотенную (купюры меньшего достоинства здесь явно не в чести), попросил:

– Мне, пожалуйста, минералки.

– Гаишников наших боитесь? – хихикнула юная богиня.

– Нисколько, – браво откликнулся журналист. – Я ведь конспектировать буду. Поэтому трезвая голова нужна.

– Трезвые мужчины всегда такие скучные! – авторитетно заявила красавица.

«Соблазняет откровенно, в лоб. Зачем?»

Хотя глазки пусть похотливые, но оглядывает его цепко. Явно пытается определить, кто он таков. Даже подумалось: не он девицу кадрит, а она, еще когда по морям рассекала, углядела на пляже незнакомого человека и явилась с проверкой.

«Бред», – осадил себя Полуянов.

А девочка, будто между делом, поинтересовалась:

– Чем вы занимаетесь? По жизни?

Представляться корреспондентом «Молодежных вестей» Полуянов не стал. Не хотелось нарушать очарование момента. Слишком часто люди боятся что-то ляпнуть при журналисте, зажимаются, начинают мучительно подбирать слова... Потому ответил обтекаемо:

– Я путешественник.

– За это платят?

– Когда как. Если найдешь что-нибудь интересное – то да.

– Типа чего? – заинтересовалась она.

– Ну, я пишу книги, сценарии, – несколько преувеличил собственные заслуги Дима. – Сейчас над путеводителем работаю, по Краснодарскому краю.

– Ой, как здорово! – воодушевленно выдохнула красотка. – Всегда о такой работе мечтала!

– И?..

– Куда там, – вздохнула она. – Я – обычная домохозяйка. Знаете: борщи, котлеты, палисадник.

Роль простушки, оценил Дима, ей почти удалась.

Явились коктейль и минералка – самая дешевая, местного производства. Сдачу парень, естественно, не вернул.

Девушка сделала глоток «Голубой лагуны». Метнула жадный взгляд на обнаженный Димин торс. Он постарался выпятить грудь, расправить плечи. Поинтересовался:

– У вас на пляже конкурсы красоты не проходят? Вам обязательно надо участвовать.

– Меня не допустят, я родственница учредителя, – усмехнулась она. И грустно добавила: – Да и Вадим не разрешит.

– Вам нравится замужем? – нахально поинтересовался Дима.

– Ну, как сказать... – Опустила ресницы богиня. – С одной стороны, это удобно, – и чуть не с вызовом добавила: – Только скучно ужасно.

Явно напрашивается на свидание. Но что скажет красавица, когда узнает (а сие неизбежно) об истинной цели его визита? И не нарушает ли он в свете происходящего журналистскую этику, которая гласит: никогда не пей с возможным отрицательным героем материала (и уж тем более не спи).

Дима решил пока что снизить накал страстей. Обжег горло ледяной минералкой и, словно между делом, спросил:

– А почему, кстати, у вас на пляже такие строгости? На городском, я видел, водный мотоцикл любому дают, без всяких прав.

– У нас недавно неприятность была, – поморщилась Виолетта. – Девчонка одна, купальщица, под моторную яхту попала. Насмерть.

– Молодая?

– Молодая, но опытная, – весьма едко произнесла собеседница. – Пьяная была в дым.

– Все равно жаль, – вздохнул Дима.

– Все, кто не видел, жалеют! – с жаром откликнулась собеседница. – Хотя эта дурочка сама под винты кинулась! А когда яхта со скоростью двадцать узлов идет, за секунду ее не остановить. И отвернуть не успеешь!

Свою горячую речь, показалось Диме, Виолетта произносит далеко не первый раз.

– А девочка за буйками купалась? – поинтересовался Полуянов.

– Ну естественно! – последовал мгновенный ответ.

Но в глазах Виолетты что-то вновь дернулось, задрожало.

– Сами видели? – продолжал напирать Дима.

– Да! И я, и еще сто человек!

Против ста свидетелей, конечно, не попрешь. Но не врет ли красавица?

Да и слишком уж охотно, с готовностью, поддерживает разговор на нужную ему тему.

«Надо все-таки позвать ее на свидание. Подпоить, и...»

Но озвучить приглашение журналист не успел.

К ним быстрым шагом приблизился мужчина. Лицо хмурое, одет в рубашку и брюки – явно не курортник. На Диму демонстративно не взглянул, а Виолу грубо схватил за руку, буквально выдернул из шезлонга. Лицо злующее, веко дергается. Прошипел негромко, но Полуянов расслышал:

– Ты опять?!

Та попыталась вырваться. Спасатель поспешно отвернулся.

– Эй, уважаемый! – с угрозой произнес Полуянов.

И отступил. Потому что Виолетта жалобной мышкой пискнула:

– Ради бога, не лезь!

А мужчина произнес тихо, но губы у него от ярости тряслись:

– Чтоб не лез больше к ней. Понял?

– Не совсем, – усмехнулся Дима.

– Еще раз увижу – убью. – Тот уже от злости чуть не захлебывается.

Грубо схватил Виолетту за предплечье и повлек прочь.

Девушка не сопротивлялась.

* * *

Хозяин был в ярости: мало что привели на объект «хвоста»! Еще и ему ничего не сказали.

– Как ты мог его не заметить? – налетел он на капитана.

– Ну... я думал... это к делу не относится.

– Идиот. Кто он такой?

– Никто. Старик. Пенсионер.

– Что он видел?!

– Да ничего.

– Не ври.

– Ну... если и видел – все равно не понял. Гарантирую.

* * *

Дима купался, как в детстве, до синевы. Проплыл километра три и на мелководье, будто пацан, барахтался, нырял. В гостиницу вернулся уже затемно, в девять. С улицы доносилась какофония типично курортных звуков: женский смех, музыка, местные дельцы в мегафон зазывают в рестораны и клубы.

Обычно в командировке не до развлечений, но здесь, на море, да еще в день приезда, ему хотелось оттянуться. Прогуляться, что ли, поискать приключений? Завести мимолетный курортный роман?

Но ведь для начала знакомиться придется. Очаровывать, подпаивать, уламывать, терпеливо слушать лепет и глупый смех. Да и по Надье он соскучился. Только здесь это почувствовал.

А вот и она звонит, легка на помине. Не поздоровалась, выпалила:

– Дима, ты где?

Полуянов объяснил. Немного опасался, что упрекать начнет: сбежал, мол, на юг в одиночку, однако Надя облегченно выдохнула:

– Ф-фу, слава богу. А то я приезжаю: в квартире темно, сумки твоей нет. Испугалась: вдруг случилось что?

– Ты вернулась уже? – удивился он.

– Ну да. Я ж говорила тебе: к выходным приеду, – вздохнула она. И мягко упрекнула: – Мы еще на водохранилище собирались вместе, в субботу...

Он забыл – совершенно.

И у Полуянова вдруг вырвалось:

– А ты сюда приезжай!

– Куда?!

– Ну, в Приморск! Лететь всего два часа. И море тебе, и солнце! А кровать у меня в номере двуспальная.

– Да ладно, ты ж в командировке! Чего я тебе мешать буду?

– А ты не мешай. Ходи на пляж, на массажи всякие. А вечерами я свободен – буду тебя по ресторанам водить.

– Ты шутишь.

– Иль я – после графьев итальянских – тебе не мил?

– Ну, я не знаю... – промямлила Митрофанова. – Мне через неделю на работу. И билеты дорогие...

– Зануда! Я ее зову на море! В объятия. А она ломается.

Уговаривал, а сам в окно поглядывал. То тут, то там стайки девчонок, промеж которых и симпатичные имелись. Может, зря он разливается? Свой самовар в Тулу вызывает?

Но вспомнил счастливое Надькино лицо, когда он объявил ей про поездку в Испанию. И отчаяние во взгляде, когда все сорвалось.

Не зверь же он: мало что отпуск девушке испортил, здесь еще будет без нее развлекаться?

Дадим Митрофановой компенсацию. И контрибуцию, и сатисфакцию. Еще раз сказал безапелляционно:

– Давай приезжай.

Хотя если б знал, что их здесь – обоих! – ждет, ни за что бы не пригласил.

* * *

На следующий день

Дом, где проживал Иван Петрович Крамаренко, оказался двухэтажным, на восемь квартир. Но жили здесь, похоже, одной общиной: у входа в подъезд безнадзорные велосипеды, детские коляски. Ухоженный палисадник, на ветру пестрит калейдоскоп из полотенец-наволочек-простыней. Под сенью дикого винограда стол, по нему стучат костяшками домино разновозрастные мужички. Поблизости, на лавочке, коалиция дам лет в большинстве преклонных.

На Диму, чужака, воззрились не менее пяти пар любопытных глаз. Одна из тетушек немедленно кинулась навстречу:

– Комната нужна? У меня недорого!

– Нет, спасибо, – покачал головой Полуянов.

С «мужской» лавочки крикнули:

– Вино домашнее есть!

Однако товар особенно не расхваливали, партии в домино не прервали.

Дима мазнул взглядом по игрокам:

«Может, Крамаренко – кто-то из них?»

Но спрашивать не стал. Вошел в прохладный, насквозь пропахший кошками подъезд. Поднялся на второй этаж, позвонил в седьмую квартиру.

Тишина.

Приоткрылась соседняя дверь. Старушечий голос через цепочку строго поинтересовался:

– К Ивану Петровичу?

– Да, – кротко отвечивал Полуянов. – Не знаете, он дома?

– Я за ним не слежу, – недружелюбно отрезала бабка.

Скрылась в своем жилище, однако врата прикрыла неплотно, затаилась – явно ждет развития событий.

Дима еще раз вдавил кнопку звонка – тишина.

– На причале он, – вдруг раздалось за спиной.

Полуянов обернулся, увидел – с лестницы его парень окликает. Лет двадцати пяти, всей одежды на нем – цветастые семейные трусы. И, хотя стоял он от Димы метрах в пяти, перегаром потянуло отчетливо.

– Спасибо, – благодарно кивнул журналист. – А где причал, объяснишь?

– Не вопрос, – хмыкнул парень. – Но смысл тебе туда ехать? Дед Иван в море давно. Только к вечеру пригребет.

– Может, телефон его мобильный подскажешь?

– И рад бы, да не могу. – Сосед почему-то развеселился. – Не держит дед Иван телефона. Говорит, радиация от него.

Нелюбезная бабка снова приотворила дверь – на сей раз без цепочки, в полную силу. Зыркнула в Полуянова выцветшими глазенками:

– Ты кто Ивану-то будешь?

– Тебе, Марь-Петровна, не все равно? – цыкнул на бабку парень. И услужливо предложил Диме: – Если надо, ты лучше деду записку оставь. Я передам.

– Да ладно, я вечером еще раз зайду, – отказался Полуянов.

Отвернулся от любопытной бабки, приветливо кивнул парню в трусах. Вышел из подъезда, вновь попал под перекрестье любопытных взоров.

«Скучно им здесь, в провинции. Новый человек – и сразу тема для беседы», – с долей снисходительности подумал столичный журналист.

Сел в машину, завел мотор.

И, конечно, даже подумать не мог, что о его приезде уже докладывают.

* * *

У пьяного сон короток.

«И легок», – всегда добавлял Матвей Задорожный.

Потому что счастливая у него особенность была: после выпивона часов четырех покемарить хватало. А потом вскакивал: голова свежа, жизнь прекрасна. С сожалением смотрел на товарищей и особенно на дам, которые ворочались-бормотали в тяжелой алкогольной дреме. А он пил на загаженной (а как иначе, если хорошо погудели?) кухне традиционный тройной кофе. А потом за пивом бежал. Сам-то никогда не похмелялся, но друзьям помочь надо.

Компании в его доме собирались охотно – только свистни. Нечасто встретишь, чтоб квартира без ворчливой жены, да еще и хозяин, добрая душа, по утрам ледяным пенным реанимирует.

А Матвей гостям всегда рад. Друзья ведь. Не то что на работе – клиенты. Часто вредные попадались, изредка – нормальные, без понтов. Но даже если не тыкают и к словам твоим прислушиваются, все равно ты для них – прислужник, наемная рабсила. Хочу – похвалю и на чай дам. А чаще отрезали: «Сиди в рубке и не отсвечивай!»

Кто деталей не знает, службе его завидует. А девчонки и вовсе боготворят – особенно те, кто «Алые паруса» читал. И должность звучит красиво: капитан!

Кэп – он есть царь, бог и воинский начальник. Но только на серьезном судне. В круизах, вон, за капитанский столик самых успешных и богатых сажают.

А у него на яхточке можно только самим собой командовать. Швартуется сам. Полы драит тоже сам. А зарабатывает столько, что в малоимущие, конечно, не запишут, но и по ресторанам не очень-то походишь, особенно летом, когда в Приморске цены вдвое-втрое взлетают.

Поэтому приходится, когда выпить надо, друзей не в кабаке, а дома собирать. Погудишь, футбол посмотришь, анекдоты потравишь, девчонки хихикают – и полегчало вроде. Назавтра можно снова в море выходить и даже усмехаться про себя, когда клиенты, сухопутные крысы, но при деньгах (кому еще средств арендовать яхту хватит?) командами сыплют.

Матвей старался богатеям не завидовать и вообще Бога не гневил, на судьбину не жаловался. Потому всегда и охранял его Всевышний. Однажды клиенты на яхточке перестрелку устроили – уцелел. И техника в сохранности, хотя пуля шальная могла в бензобак угодить. Другой раз заказчик спьяну за борт свалился – и тоже нормально, под винты не попал.

Только с девчонкой не уберег его Господь. До сих пор глаза ее видятся – огромные, синие и удивленные очень. Будто поверить не могла, что все, последний раз она в море. И никогда не увидит больше заката, волн, изящных дельфиновых прыжков. Она никак не собиралась умирать. Даже коктейль свой оставила на столике у шезлонга. Хотела, когда наплавается, льда из бара попросить, в него насыпать – и допить.

Но теперь вышло, что другие за помин ее души пьют. И он, Матвей, тоже. Всегда один. Тут уж друзья не нужны. Не мог он ни с кем эту историю в тысячный раз обсуждать. И от сочувствия фальшивого коробило: вроде успокаивают, а сами счастливы просто. Что чистенькие и этот кошмар (на всю жизнь, до могилы) не с ними произошел.

А когда пьешь один, да с горя – и похмелье совсем другое. Куда там до прежней утренней легкости! Просыпался: голова тяжелая, во рту гадко.

Хотя формально обвинить его не в чем. Свидетели барабанили уверенно: яхта шла далеко за буйками, на малом ходу. То есть никакое это не убийство – несчастный случай просто. А ущерб безутешным родителям Институт моря возместить обещал – любую разумную сумму, какую назначат.

Но девчонка все равно приходила к нему. Садилась на уголок постели – бесплотная, синеглазая. Ничего не говорила, ледяных рук не тянула. И страшно ему было. И горько. От обиженного ее, удивленного взгляда: ну, почему ты так со мной обошелся?..

Сколько ни ставил свечек на помин души, не отпускало его. Хоть работу бросай и вали прочь из города. Не от осуждения людского – от себя.

* * *

Что ж. Не получилось с пенсионером Крамаренко – займемся пока капитаном-убийцей.

Дима сверился с картой, приехал во двор прокаленной южным солнцем пятиэтажки, где проживал Матвей Задорожный.

Припарковал машину и ленивой походкой пошел вдоль здания.

Народу здесь – в отличие от владений пенсионера Крамаренко – почти не было. В домино никто не играл, и лавочки перед подъездами пустовали, и на детской площадке лишь парочка явно обкуренных подростков сидела.

В квартиру к яхтсмену Задорожному Дима подниматься не спешил – стоял, курил, обдумывал, как разговор построить.

И тут увидел: из подъезда тетенька выскочила. В халатике, волосы мокрые, обута в тапки. Не смущаясь растрепанного внешнего вида, уверенно двинулась к нему. И немедленно ринулась в атаку:

– Приезжий? Жилье нужно?

– Ага, – мгновенно принял решение Полуянов.

Тетенька, несмотря на свое затрапезье, ему приглянулась. Лицо пусть не первой свежести, но попа под тонким халатиком колышется соблазнительно. Воспользоваться, что ли, пока Надьки нет?

Дамочка тоже разглядывала его внимательно. Видно, осталась довольна. Но спросила все равно строго:

– Ты не запойный?

– А что у вас, комната или квартира? – выстрелил встречным вопросом журналист.

– Квартира, сказанул! – нахмурилась коммерсантка. – Кто тебе сейчас отдельную сдаст? Даже комнаты у всех заняты. Июль ведь, пик сезона!

– А вы-то что предлагаете? – ухмыльнулся журналист. – Угол?!

– Почему угол? – Женщина вдруг смутилась. Покрепче запахнула на груди тонкую халатную ткань. – Балкон у меня. Застекленный. Площади немного, но кровать, тумбочка, шкаф – все есть. Посмотришь?

– И дорого? – поднял бровь Полуянов.

До кучи ведь можно и репортажик сварганить. Про условия на российских югах.

– Договоримся, – решительно заявила хозяйка. – Пошли, покажу.

Балкон оказался квадрата три, не больше. Тумбочка вплотную притиснута к узкой подростковой кровати, вместо шкафа – пара крючков. Духота ужасная, хоть стекла и закрыты серебряной бумагой. Но цена оказалась разумной. Да еще и на западный манер, в стоимость «номера» завтрак входил:

– Яичницу пожарю, или сосиски, или что там вы, мужики, любите. – В голосе тетеньки явно прозвучало презрение к сильному полу.

– Я и сам могу на завтрак вкусный кофе сварить. Нам обоим. – Полуянов одарил хозяйку заинтересованным взглядом.

Сколько ей, интересно, лет? Лицо измученное, под глазами залегли тени. Хотя морщин почти нет. От тридцати до пятидесяти, точнее не определишь.

– Но-но, – строго произнесла женщина. И вдруг ответила на его улыбку: – Меня Натальей зовут. Так чего? Договорились?

– Подумаю, – разочаровал ее Полуянов. – Я ж просто мимо проезжал. И вообще еще не решил: тут, в Приморске, остаться или дальше куда. В Туапсе, в Сочи.

– Придумал тоже: Сочи! – возмутилась Наталья. – Там с тебя три шкуры сдерут. За такой же балкон! И на пляже не протолкнешься! А у нас: природа, тишина!

– Зато у вас опасно, – пожал плечами Дима. – Я в Интернете читал: катера прямо по головам ездят! Это ж у вас, в Приморске, девчонку винтом порубило?

– А ты не верь всяким глупостям! – обиделась женщина. – У нас на пляже городском для катеров отдельная акватория. А Лидку сбили у Института моря, отсюда шесть километров.

– Зря, что ли, говорят: ложечки серебряные нашлись, но осадок остался, – парировал Полуянов. – Неважно, на каком пляже. Главное – тут, у вас. В Приморске.

– А где несчастных случаев не бывает? – горячо возразила Наталья. – Люди что в Турции, что в Египте каждый сезон под катерами гибнут.

– Бывает, – пожал плечами Дима. – Если спьяну за борт выпали или управлять не умеют. Но по головам только в России ездят.

– Ну что за мода у наших людей обязательно свою страну хаять! – совсем рассердилась Наталья. – Говорю тебе: обычный несчастный случай! А капитан ни в чем не виноват! – И, к радости Полуянова, сама подняла нужную тему: – Он, кстати, в нашем доме живет. Нормальный мужик. Положительный. Вежливый. И переживает знаешь как? Почернел весь. Хотя и не виноват.

– А его, что ли, не посадили? – разыграл удивление Дима.

– За что его сажать? – удивилась Наталья. – Девушка эта, Лидка, сама от берега отплыла метров на триста, далеко за буйки. Он и не успел среагировать. Не ожидал просто, что человек за бортом.

– И продолжает людей катать? – с сомнением произнес Полуянов.

– А что ему остается? – вздохнула тетушка. – Хотя мне жаловался: тяжело, каждый день теперь словно на каторгу. Но разве хозяин сейчас, когда сезон в разгаре, его отпустит?

– Яхта не его, что ли? – уточнил Дима.

– Конечно, нет. Она ж миллионы стоит! – усмехнулась женщина. – А Матвей просто работник наемный.

– Странно, – задумчиво произнес журналист. – Обычно все погибших жалеют. А вы – наоборот.

– Потому что я Матвея знаю. И Лидку тоже знала, – хмыкнула Наталья. – Он – обычный трудяга. Ни за что пострадал. А она шалава. Сколько раз с мотоцикла летала, и с травкой ее ловили.

– Даже интересно на вашего исключительного Матвея посмотреть, – задумчиво молвил журналист.

Женщина среагировала мгновенно:

– А ты у меня оставайся – вот и посмотришь. Познакомлю вас. Выпьете вместе, сам поймешь: просто не повезло мужику.

– Вам в рекламе надо работать, – улыбнулся Дима. – Ладно. Останусь. На пару деньков. – И потянулся за бумажником: – Деньги вперед?

– Зачем ты мне нужен на два дня? – заворчала Наталья. – Только белье тратить. Я курортников минимум на неделю пускаю.

– Как хотите, – твердо отвечивал Полуянов. – Или два дня, или я другое жилье найду.

На самом деле он и ночи не собирался здесь провести – платил, считай, за информацию.

– Ну ладно, ладно. – Она быстро пошла на попятный. – Где вещи твои?

– В багажнике. Но я все равно сейчас на море. Вечером занесу и расположусь.

Тепло распрощался с Натальей, пообещал вернуться к шести и вышел во двор. Не спеша побрел к «Приоре» и вдруг услышал стук. Вскинул голову: его новая хозяйка по стеклу оконному молотит, жестами что-то объяснить пытается. Нет

бы просто форточку открыть и крикнуть.

Он остановился, непонимающе развел руками. На всякий случай огляделся. И увидел: из соседнего подъезда вышел мужчина. Довольно помятый. Голова поникла, ноги еле передвигает – явно накануне хорошо погулял. Матвей – иначе б Наталья показывать на него не стала.

И похмелье, сразу видно, у товарища просто жуть! Вон, даже ключом в машинный замок только со второго раза попал. С места тронулся, будто чайник, рывком.

И Диму кто как под руку подтолкнул. Уселся в свою «Приору» и поехал следом за капитаном. Знакомиться с ним момент неподходящий. Человек и без того после бурной ночи злой – просто пошлет. Да и язык у него вряд ли ворочается... Однако проводить его до пляжа, понаблюдать – почему нет?

Сначала, когда выехали за город, Дима не сомневался: Матвей свернет с шоссе через несколько километров, на указателе к Институту моря. Отправится, пусть и в середине дня, на работу.

Однако когда они приблизились к развилке, судоводитель лишь газу прибавил. Пролетел поворот и поехал все быстрее. Сто, сто десять, сто двадцать. Дима за ним еле поспевал – непривычно было рулить по извилистой трассе. Да и гаишники южные своей свирепостью на всю страну известны. Но не попались – капитан перед засадами притормаживал. Знал, видно, где блюстители обычно гнездятся.

«Куда он мчится? – ломал голову Дима. – И не вычислил ли меня?»

Но держался на хвосте в двух-трех машинах от капитана.

Рулили почти два часа до краевого центра. Тут движение оказалось лихое, почти как в Москве. И ехать, чтоб Матвея не потерять, приходилось за его машиной вплотную.

Дима нервничал, понимал: яхтсмену достаточно единственного неожиданного маневра: проскочит на желтый свет, и все, оторвется.

Но тот и не пытался. Ехал пусть быстро, но без резких движений. Покружил по центру (Диме показалось, без цели, по главной улице два раза проехали) и, наконец, остановился подле шикарного автосалона. Уверенной походкой вошел. Полуянов остался снаружи – наблюдал сквозь огромное, чисто вымытое стекло.

Матвей прогулялся вдоль ряда «Лексусов». Ответил на приветствие менеджера, царственным жестом принял у того скрепленную пачку бумаг – видимо, прайс-листы. Задал несколько вопросов. Посидел за рулем серебристого «LX-570». Далее перешел к стойке. Заполнил какие-то бумаги – неужели машину заказывает?

Странно, очень странно. Обычно, если ты человека убил, нужно деньги искать, откупаться. А этот в автосалоне дорогую тачку присматривает.

Но покупки Матвей, кажется, не сделал. Лишь погладил на прощание приглянувшийся ему «Лексус» по капоту, пожал руку менеджеру и покинул заведение. Осмотрелся по сторонам (Дима укрылся за фонарным столбом). Но капитан, оказывается, искал, где перекусить. В ресторан не пошел – ограничился сосисками из палатки. Вернулся в свои «Жигули» и поехал обратно. Дима по-прежнему следовал за ним, но больше никаких остановок Матвей не сделал. Понесся столь же рискованно назад, в Приморск. И на пляж Института моря, где работал, опять не свернул – сразу домой.

Загадочный человек.

Во двор, вслед за капитаном, Дима заезжать не стал. Не хватало только гостеприимной Наталье на глаза попасться. Да и знакомиться с Матвеем, журналист чувствовал, преждевременно. Сейчас на повестке дня снова пенсионер Крамаренко.

* * *

Со второй попытки повезло: едва Полуянов коснулся звонка, дверь в седьмую квартиру распахнулась.

На Диму с опаской взирал сухонький, весьма ухоженный дедуля. Слабо улыбнулся. Спросил почему-то с надеждой в голосе:

– Вы ко мне?

– Да, я из Москвы, из «Молодежных...» – начал было Полуянов.

Но договорить не успел: ветеран труда изменился в лице и неожиданно сильной лапкой втянул его в полутемную прихожую. Захлопнул дверь, приложил палец к губам. Громко – явно в расчете на чужие уши – произнес:

– Ох, Игорек, совсем на глаза я стал слаб! Прости, не узнал! Ну как там дела, в Ростове твоём?

Жестом пригласил пройти в комнату. Вполголоса произнес:

– Игорем будете. Племянником моим.

– Я не против, – кивнул Полуянов.

Он особо не удивился: не первый раз люди скрыть хотят, что в газету писали. Другое волновало: слишком уж тревожно заблестели глаза у Ивана Петровича. Не псих ли он? Тогда совсем катастрофа.

Хотя, если по квартирке судить, с головой у старичка Крамаренко все в норме. Порядок – но не болезненный, не слишком тщательный. На стенах несколько фотографий (мальчик и девочка в разных стадиях взросления). Портрет строгой женщины в траурной рамке. Неплохая фотография морского заката. Немало книг, вперемешку популярная медицина, морское дело, детективы. Мебель обшарпанная, из современных гаджетов – ничего: телевизор старенький, радиола середины прошлого века. Дети, видно, неудачные или не балуют.

– Чаю выпьете? – неуверенно предложил старичок.

– С удовольствием, – кивнул Полуянов.

А Крамаренко приблизился к нему почти вплотную и горячо зашептал:

– Вы действительно из газеты?

Дима кивнул, потянулся за удостоверением.

Однако на корочки Иван Петрович взглянул лишь мельком, страстно продолжил:

– Ох, вовремя, вовремя вы приехали! Тут у нас такие дела творятся!

Глаза старичка блеснули экстатическим блеском. Про чай забыл – шепчет горячечно:

– Девочка погибшая... Грех так говорить – но не в ней дело оказалось. Совсем не в ней. Хотя и в ней тоже. Из-за нее ведь я стал... связался... Да... запутанная история. Даже не знаю, с чего начать.

Осекся. Вновь прижал палец к губам.

Взглянул на Диму почему-то растерянно.

– Ну, давайте тогда с погибшей и начнем – раз вы о ней в газету написали, – мягко предложил журналист. – Ее Лидой, кажется, звали? А как фамилия?

– Корсакова, – грустно склонил голову Крамаренко. – Шестнадцать лет от роду. – И сердито добавил: – Следствие завершено. Уголовное дело закрыто. Лида якобы сама виновата, что под винты кинулась. Родители расписку написали, что претензий не имеют. Дочь единственную потеряли и – без претензий! Продали ребенка за тридцать сребреников.

– В письме вы упомянули: девушка погибла в зоне купания. Вблизи от берега, – задумчиво произнес Полуянов. – Это так?

– Так, – кивнул старичок. – И свидетели тому были. Немало.

– А вы их фамилии назвать можете? – осторожно поинтересовался Дима.

Крамаренко замялся:

– Ну... Сначала-то все говорили, что яхта почти к берегу подлетела. А потом... одни испугались. Других подмазали...

Полуянов начал злиться:

– Так имеются свидетели или нет?

– Одного... одного, наверно, назвать могу, – неуверенно произнес старик.

А едва Полуянов вынул блокнот – отшатнулся:

– Что вы! Только не тут!

Опасливо покосился по сторонам и закончил:

– Стены слишком тонкие. Да и микрофоны могут стоять.

Приблизился к нему совсем вплотную, зашептал:

– Нельзя здесь... Опасно! Давайте завтра. Завтра вечером. Запоминайте, куда ехать. От города – шоссе на Сочи, на шестом километре к Институту моря своя дорога. Асфальтированная, и указатель есть. Но туда не сворачивайте. Сразу за ней еще съезд – грунтовка, она на дикий пляж ведет. Езжайте туда. А я вас уже у моря буду ждать. Часов в одиннадцать, когда совсем стемнеет. И сам все покажу!

– Иван Петрович, – строго произнес Полуянов. – До завтра я ждать не могу. И...

Договорить он не успел – пенсионер вдруг метнулся в коридор. Резким движением распахнул входную дверь.

Раздался вскрик – бабуля (та самая любопытная Марь-Петровна) скрыться в своей квартире не успела.

Взглянула на Крамаренко испуганно. Однако тот ни слова упрека ей не сказал – обратился к Полуянову. Произнес со значением:

– Видите. Мы тут все одной семьей живем.

Шепнул в самое ухо:

– Завтра! В одиннадцать вечера! – И беспечным тоном закончил: – Не хочет, Марь-Петровна, мой племянничек даже чаю попить. На море спешит. Что ж. Дело молодое... Иди, иди на пляж! Развлекайся, купайся!

И буквально выпроводил его.

Что Диме оставалось?

Только ждать до завтра. И надеяться, что Крамаренко психически сохранен. И действительно покажет ему нечто исключительное. А пока...

Но едва начал в уме прикидывать свои дальнейшие действия – затрезвонил мобильник. Надюха.

Совсем не до нее сейчас.

Однако не сбрасывать же звонок! Нажал на прием:

– Привет! Ну ты как?

И услышал смущенный голос подруги:

– А я уже в самолете сижу.

– Вот это да! – вырвалось у него.

– А ты меня не ждешь? – обиженно пробормотала она.

– Нет, нет, что ты! Я имел в виду: как быстро у тебя получилось! Молодец!

Говорил – и сам не знал, радоваться или расстраиваться. Надюшку увидеть, конечно, хотелось. И самолюбию льстило – едва из Италии вернулась, сразу

помчалась по его душу. Но, с другой стороны, у него самая работа! Да и во второй раз за день тащиться в краевой центр, встречать ее, совсем не прельщало. Сто двадцать километров в один конец да по перевалам!

Полуянов вздохнул.

Если он уже сейчас весь в сомнениях – что ж будет, коли Надька законной супругой станет?

* * *

Надя выключила телефон, пристегнула ремень и вздохнула. Самолет торопливо – будто тоже спешил на море – покатился к взлетной полосе. Малышня (пока рассаживались да ждали неизвестно чего, юные пассажиры совсем извелись) радостно загалдела. А Митрофанова, наоборот, понурилась. Правильно ли делает, что по первому свистку бросается в Димины объятия? Еще подумает Полуянов, будто она в Италии совсем успеха не имела. Хотя на самом деле ничего подобного! Надя и представить не могла, насколько европейцы хорошо воспитаны и галантны. И любят русских девушек. Причем не юных свистушек и не красоток роковых – но самых обычных, тех, кто на родине давно записан в неликвид. Как ее итальянский поклонник, Марио, сказал:

– На фотомоделях женятся только дураки. А мне нужна жена обязательно умная, с образованием.

И посмотрел на Митрофанову со значением.

И держать себя итальянские мужчины умеют так, что чувствуешь себя принцессой. Всегда и комплимент, и подарочки, и, главное, пронизывающие, влюбленные взгляды.

Излишне рациональны, конечно. Марио Наде все свои планы озвучил: квартиру пока снимать, с ребенком не торопиться, машина – обязательно малолитражка, в отпуск – в Хорватию, там дешево.

– Зато лет через семь купим с тобой дом на Сицилии! И родим малышей. Сначала мальчика, потом девочку!

– Чего ты ломаешься? Соглашайся! – недоумевала Катюха. – Или он тебе не нравится совсем?

Да в том и дело, что нравился. Спокойный, надежный, неглупый. Надя с Марио часами болтали о книгах, музыке, театре, просто о жизни – и не скучно было.

Но только с итальянцем ей просто хорошо.

А с Димой она голову теряет.

* * *

– Привет, привет! Ой, опять цветочки? И конфеточки?! Ну, спасибо тебе. Кофе будешь? Как всегда, некогда – только взглянуть? Ну, смотри. Только никого интересного нет. Эти все из Ростова, деляги. Дальше – Рязань, Казань, глубинка, короче. А из Москвы вообще только пятеро. И самые такие... обычные. Фамилии посмотреть? Да говорю тебе: неизвестные фамилии. Вот гляди: Семеновы, муж и жена, Тарасюк, Гаврилина. И еще, он один жил, какой-то Полуянов. Как зовут? Сейчас гляну. Дмитрий Сергеевич. Место работы? Не указал. Выглядит? Ну, нормально. Молодой такой мужчина, обаятельный. На Домогарова молодого чем-то похож. А сегодня вечером к нему девица приехала. Скромненькая такая. Не жена, нет. Фамилия Митрофанова.

* * *

Вечер прошел волшебю.

Дима хотя и усталым выглядел и, пока ехали из аэропорта, зевал всю дорогу, но в гостинице налетел на нее, аки дикий зверь. Никакого сравнения с робкими прикосновениями итальянца, его осторожными поцелуями.

Полуянов без церемоний сорвал с подруги элегантнй клетчатый сарафан с оборками (приобретала, между прочим, на Монте Наполеоне!), вдавил ее в кровать так, что пружины в спину впились, шепнул в ухо непристойность (всегда в постели выражался, как грузчик).

И Надя поняла – она просто счастлива.

Хотя номер, конечно, совсем не чета элегантной итальянской гостинице. Да и Полуянов (едва утолил свою страсть) заговорил с ней суховато:

– Сегодня в ресторан тебя, конечно, свожу. А завтра уж сама развлекайся. А то у меня дел выше крыши. Ничего. Море рядом. Найдешь.

Дима весь в этом: сам приглашает – но вроде и не рад. То любящий, то равнодушный.

Но только ни с какими итальянцами его не сравнить.

* * *

На следующий день

Владения, где жила семья погибшей Лиды Корсаковой, Полуянов описал бы одним словом: бардак. Уже от калитки начиналась мешанина из сломанных детских игрушек, гаечных ключей, треснувших цветочных горшков, старой обуви, обрывков газет, гнилых яблок. Посреди этого бедлама без призора ползали двое одинаково чумазных малышей – кажется, близнецы, не старше года. А мальчики или девочки – Дима не понял. Стол под виноградом покосился, крыльцо перед домом провалилось.

«Алкаши, что ли, беспробудные?»

Хотя нет, вроде не пьяные – по крайней мере, сейчас. Папаня, весь в машинном масле, возится с безнадежно ржавым мотоциклом. Женщина в неопрятном платье печет в летней кухне блины – дверь нараспашку, видно, как масло брызжет, летит во все стороны.

Тощая, всклокоченная собака при виде Полуянова залилась отчаянным лаем. Малышня на полу осветилась беззубыми улыбками. Мужчина отер руки о грязные шорты, отложил инструменты, поднялся ему навстречу. Хмуро спросил:

– Чего тебе?

– Поговорить. – Полуянов бесстрашно отпихнул ногой собачонку. Улыбнулся ползункам. Спросил у отца: – Сколько им?

Однако светской беседы тот не поддержал. Отодвинул ногой детей (получилось немногим ласковей, чем Дима обошелся с собакой), преградил журналисту путь во двор.

– Из опеки, что ли, опять? – выкрикнула из летней кухни женщина.

– Да нет, не похож, – процедил мужик. Покрасневшие то ли с недосыпа, то ли с похмелья глаза неласково буравили Полуянова.

«Эх, надо было с собой пузырь захватить», – запоздало подумал тот. И тихо произнес:

– Я по поводу Лиды.

На лице мужика ни тени недавней потери. Скорее, досада.

– И чего? – буркнул он.

– Я журналист из «Молодежных вестей». – Дима махнул удостоверением. – Специально приехал в Приморск, чтоб расследовать обстоятельства ее гибели.

– О, ёптыть! – закатил глаза мужик. – Как вы достали!

И сделал движение просто вытолкать Полуянова за калитку. Однако приостановился. Спросил:

– Из самой Москвы, что ли, приперся?

– Да. Потому что смерть вашей дочери...

Хозяин его перебил. Велел:

– Пройди.

Но ни в дом, ни в летнюю кухню не повел.

Остановились под виноградом. И безутешный отец, будто по бумажке, произнес:

– Запомни, а можешь на диктофон записать. Расследовать тут нечего. Лидка сама виновата, что на глубину заплывала. Дело закрыто. Мы с капитаном примирились.

– Но...

– И хватит нас дергать! – возвысил голос мужик. – Мы ни к кому претензий не имеем.

– Но ведь ваша дочь...

– Слушай, тебя что – за шкуру отсюда выкинуть? – окончательно раскипятился скорбящий папаша.

А женщина из летней кухни (печь блины она перестала, старательно прислушивалась к их разговору) выглянула во двор, добавила горестно (однако с элементом жеманства):

– Оставьте нас в покое, прошу вас. Мы уже достаточно вынесли испытаний.

– Давай вали отсюда, – довершил картину хозяин.

А малыши (тоже вскинули головки, будто понимали, о чем речь) дружно заревели.

Оставалось лишь покинуть «гостеприимный» дом.

Полуянов вышел за калитку, задумчиво закурил. Слепило солнце, ветер гнал пыль. Мимо, гроыхая на колдобинах, медленно проплыл старенький грузовик. В кузове виднелся открытый гроб, тело покойника плавно покачивалось в такт

движению, несколько человек сидело подле. Лица у всех, отметил Дима, какие угодно: озабоченные, задумчивые, кислые – но никак не горестные.

«Смерть здесь – совсем рядовое событие», – пронеслось у него в голове.

Он уже открывал машину, когда услышал:

– Дядя, закурить будет?

Дима обернулся: его окликал худющий, мосластый пацан. Бледный – будто не юг здесь, а зимний Мурманск. И лет доходяге от силы двенадцать.

Полуянов, конечно, не Минздрав, чтоб детям лекции о вреде курения читать. Но, если они просили, не угощал никогда. Буркал: «Подрасти сначала». Однако сегодня приостановился. Отчего-то жалость кольнула к нескладному, явно заброшенному парню – волосы не стрижены, в огромной, с чужого плеча, футболке чуть не тонет.

Молча протянул парнишке пачку, зажигалку. А когда тот неуверенно прикурил, насмешливо спросил:

– Отжаться сможешь? Хоть десять раз?

– А ты? – ошетинился подросток.

Дима пожал плечами. Принял упор лежа. Солнцепек, духота, пьяненький мужичок, что тащился мимо, взглянул на него, как на блаженного. На пятидесятом отжимании Полуянов упруго вскочил. Отряхнул ладони. Сказал назидательно:

– Курить надо начинать после восемнадцати. Когда мышцы окончательно сформируются.

– А толку в твоих отжиманиях? – хмыкнул пацан. – Чтоб в армии быть в первых рядах?

Втоптал в пыль сигарету. И вдруг произнес:

– Я брат ее.

– Чей? – Полуянов от жары слегка отупел.

– «Чей, чей». Лидкин, – грустно откликнулся мальчик.

Опасливо глянул по сторонам. Велел:

– Пошли. Побазарим.

И хмуро, загребая драными шлепками пыль, зашагал впереди. Свернули в проулок, вошли в тень, на берег одиноко петлявшей речушки. Уселись у самой воды, под мощной дубовой кроной. Местечко, видно, популярное – всюду окурки, смятые пивные банки, порванная игральная карта валяется, пиковый король.

«Тоска у них, а не жизнь», – мимолетно подумал Полуянов.

Он в свои двенадцать-тринадцать был занят, спасибо матери, от утра до заката – английский, легкая атлетика, борьба самбо.

Но родителям Корсаковых до детей явно дела нет.

А те, наивные и доверчивые, все равно непутевых родичей защищают.

Парнишка виновато произнес:

– Ты не думай. Папка с мамкой правда переживают очень. И сначала решили, что до конца пойдут, чего бы им это ни стоило. Засудят богатеев поганных. Я сам слышал! Даже адвоката думали брать, чтоб этот, как его... иск в суд составил.

Раскраснелся, разгорячился, глаза запылали.

Только слушай, казалось, и запоминай. Но Полуянов в порыве неожиданной для себя сердобольности остановил парня:

– Обожди. Ты завтракал сегодня?

– Чай пил, – набычился тот.

– И я – только кофе, – улыбнулся в ответ журналист. – В магазине, что по пути был, не отравят?

– Не должны, – со знанием дела откликнулся подросток. – Свет вроде давно не отключали, хавчик стухнуть в холодильнике не должно?н.

И минут через десять они вернулись на ту же полянку уже с полным пакетом: колбасная нарезка, хлеб, соленые огурчики, сыр.

– Пивка только не хватает, – хмыкнул мальчишка.

– Лет тебе сколько... пивко пить? – добродушно поинтересовался Полуянов.

– Ну, шестнадцать. – Парень определенно добавил себе пару-тройку годков, но спорить Дима не стал. Спросил только:

– Звать тебя как?

– Юриком с утра был, – откликнулся тот. – А тебя?

– Дима.

Полуянов извлек из борсетки перочинный швейцарский нож, нарезал хлеб, сыр.

Мальчишка сначала манерничал, осторожно брал по кусочку. Но увидел, что Полуянов наяживает в полную силу, и смущаться перестал, налетел на еду. Особенно на мясное налегал – видно, не водилось оно у них в доме. Проговорил с набитым ртом:

– Ты, в натуре, с Москвы, с «Молодежных вестей»?

– На, смотри. – Дима сунул ему под нос корочки.

Юрик уважительно покивал. Вернул удостоверение. Спросил:

– А круто вообще журналистом работать?

– Круто, – согласился Полуянов. – Ездишь куда хочешь. Пишешь – о чем людям интересно. – И не удержался от педагогического пассажа: – Только сначала в институт поступить надо. И учиться долго.

– А разве поступишь в тот институт? – отмахнулся Юрик. И строго добавил: – Ты только это... имей в виду. Я тебе расскажу кое-что. Но под протокол говорить не буду.

– Я тебе мент, что ли, протоколы писать? – усмехнулся Полуянов.

А парнишка серьезно добавил:

– Хотя папаня мне и без протокола бо?шку скрутит. Если узнает, что я с тобой трепался. – И почти с отчаянием закончил: – Батяка бы сам ни за что не продался. Он гордый. Это все мамка: деньги, деньги, дом разваливается, машины нету, а детей, если хочешь, еще родим.

Аккуратно отряхнул рот полкой своей безразмерной футболки. И стал рассказывать.

Лидка, как кошка, всегда жила сама по себе. А уж как шестнадцать ей исполнилось, совсем от семьи отдалилась. Говорила, тошнит ее в их колхозе сидеть. Утром уходила, появлялась к ночи, да и то не всегда. Что на пляж институтский она бегают, дома и не знали. Тем более болтать, в отличие от прочих девчонок, Лидка не любила. И с кем ходила туда – бог весть. Запросто могла склеить себе богатенького, тот и водил ее в крутое местечко. А может, с подружками через пирс лазили, чтоб пятисотку за вход не платить.

С кем она провела на пляже последний день своей жизни, Юрик не выяснил. Но деньги у нее при себе имелись: и коктейль купила, и в кошельке еще несколько сотен оставалось – им ее вещи вернули потом.

Узнали они о том, что случилось, уже ночью – участковый пришел. Маманя, естественно, рыдать, отец все кулаком по столу грохал, малышня проснулась, тоже орала в голос. А участковый напирал: мол, пьяная ваша дочь была, заплыла далеко. Если до суда дело довести – однозначно ее виноватой признают и денег ни копейки не дадут, потому лучше все миром решить. Но батя и слушать не хотел, мента, считай, выгнал. А сам кинулся куму звонить, дяде Толику. Тот на пляже институтском с этого сезона разнорабочим нанялся. Тенты подлатать, лежаки собрать-принести, мусор после шторма с берега убирал.

Поговорили коротко (о чем – Юрик подслушать не смог, пришлось мелких угованивать, потому как маманя совсем сомлела). И уже через полчаса дядя Толик к ним в дом явился. Сели с отцом во дворе, выпили первым делом на помин невинной души. Юрик детей наконец уложил, тенью выскочил на улицу, до ветру. А как дело сделал, поближе к столу подкрался. И услышал, как кум отцу говорит:

– Не он посудиною правил! Не Матвей! Я как раз в море был, на моторке, и своими глазами видел! Метров с пяти. Матвей – тот черный, как ворона. И крепкий, всю жизнь в море. А этот – блондин. Дохлак.

Юрик замер.

– А на «Торнаде» его пассажиры какие были? – задумчиво спросил кума отец.

– Да целая компания. Бизнюки. Но на палубе – никого. Они ж как делают: в трюм забурятся и там киряют. Но ты не бойсь, – возвысил голос дядя Толик, – я и сам перед каким хочешь судом готов подтвердить: не Матвей за штурвалом был. А этот доходяга...

Кажется, кум и имя убийцы готов был назвать – да Юрику не повезло. Под ногой камушек хрустнул, батяня увидел его, наорал и погнал обратно в дом.

Он вернулся. Задумался. Получается, Матвей не виноват – просто покрывает кого-то?

Юрик сначала не дотумкал, что с того может быть выгода. Какая разница, кто за штурвалом стоял, – Лидку все равно не вернешь. И благо, никто не видел его, Юра даже слезу пустил. Пусть не дружили особо со старшей сестрицей и

насмешничала она над ним, но все равно: родная кровь. Вспомнилось вдруг, как Лидка вместо мамани загулявшей в первый класс его вела. Все ругалась, чтоб пиджак не расстегивал и букет по земле не волочил. А когда уже поставила его в ряд на торжественной линейке – склонилась и в щеку чмокнула, а он смутился почему-то ужасно.

...На следующий день все еще хреновей пошло. Маманю зачем-то на опознание возили (будто без нее справиться не могли), и та совсем из строя вышла. Вроде и не пила почти, а глаза – совсем мутные, чушь сплошную несет, на мелких кричит криком. А отец опять с участковым беседовал, и снова те же песни: экспертизу, мол, провели, в крови у Лидки черт знает сколько промиллей, и свидетелей полно, что она далеко за буйки заплыла, и потому прямо сегодня надо мировое соглашение подписывать. Но батя и слушать не хотел: буду, мол, судиться – и точка. А про то, что кум ему рассказывал, – ни словечка.

И тем же вечером приехали они (Юрик сейчас сразу помрачнел). Двое мужчин. Один весь из себя солидный, глаза властные, при часах дорогих, в рубашечке белоснежной. Второй – бычара, гора мышц, и гавайка топорщится, явно под рубашкой кобура. Батя попытался с ними, как с участковым, говорить: типа, вон пошли, и дочь я свою не продам. Но они что-то сказали ему, очень коротко – и сразу сник отец. Повел гостей под виноград. Беседовали недолго и тихо. Приблизиться Юрик не рискнул – качок то и дело обводил двор нехорошим, пристальным взглядом. А когда ушли, папаня сразу в дом. И, первым делом, к портрету Лидкиному – на комод уже поставили, с черной лентой, рядом рюмка с хлебушком. Голову опустил и шепчет: прости, мол, доченька. А через пару дней Юрик к отцу в карман сунулся, денег на пиво спереть, а там – карточка. Золотая. На батякино имя.

...Пацан потупился. Вытребовал у Полуянова новую сигарету. Произнес неуверенно:

– Сволочь папка, конечно. Но он сказал: Лидке-то теперь не поможешь. Зато уже цемент привезли, сто мешков. К дому пристройку ставить. И телик плазменный.

И опасливо спросил:

– Теперь, раз я тебе рассказал все, они бабки назад отберут?

– Вряд ли, – покачал головой Полуянов. – Деньги обратной силы не имеют.

– Но если статью свою напишешь, батяня меня точно грохнет, – уверенно заявил мальчишка.

– А ты не признавайся, что мне рассказал, – пожал плечами журналист. – Мало ли, откуда я узнал?

Хотел еще спросить, как фамилия кума, того самого дяди Толика, но не стал – выяснит и сам, а пацан и без того весь на нервах. Спросил только:

– А эти двое, что к твоему отцу приходили, они местные? Ты их знаешь?

– Качка вроде видел пару раз, – откликнулся пацан. – В ларьке и в баре у пляжа. Второго, чистенького, – нет. Попытался у бати спросить – тот аж посерел. Только и сказал: Хозяин. Я и сам понял: мужик реально очень крутой. Злой и умный. Самое страшное... видно сразу, что плевать ему. И на Лидку, и на всех нас.

Помолчал. С обидой добавил:

– Я б у такого ни копейки не взял. Западло.

– Ты прав, – скупно улыбнулся Полуянов. – По-своему. А у отца твоего своя правда. Ему семью кормить, детей поднимать.

– Да пропьют все они! – отмахнулся Юрик. – Цемент вон, во дворе валяется, даже не укрыли, я сам пленкой заматывал.

И тяжело, будто старичок, поднялся. Буркнул:

– Ну, бывай, Дима. Спасибо типа за угощеньице. Только если что... я тебя не знаю. Ты меня тоже.

– Погоди, – остановил его Полуянов. – На, возьми. На пиво. – Он протянул парню тысячную купюру.

Глаза у Юрика жадно блеснули. Однако он твердо отвел Димину руку. Произнес:

– Давай уж хоть я сестру свою не буду продавать.

Дима спорить не стал. Нацарапал на визитной карточке номер мобильного, протянул парню:

– Звони, если что.

– Что мне тебе звонить, – буркнул парнишка.

– Ну, мало ли. Может, на журфак надумаешь поступать, – улыбнулся Полуянов. – Чем смогу – помогу.

– Через неделю меня и не вспомнишь, – хмыкнул парень.

Но карточку аккуратно поместил в карман шорт.

* * *

Гуляли вчера, как настоящие отпускники, – почти до двух ночи. И Надя не сомневалась: Димка, как и она, разоспится часов до одиннадцати.

Однако тот – вот фанат! – уже в девять утра вскочил. Топал по номеру, шумел водой в ванной комнате.

– Когда придешь? – сквозь сон пробормотала она.

– Не знаю. К обеду, наверно, – буркнул он.

Ну, и чудесно – она и выспаться успеет, и на море сходить.

Однако торчать на пляже одной оказалось скучно. Ну, искупалась. Повалилась на горячем песке, перебралась в тень. Полистала книгу, съела кисточку винограда. А дальше что делать? Поболтать не с кем, пиво в одиночку пить –

явно не комильфо. И Надя решила посмотреть вчерашние фотки – Димка ее весь вечер щелкал. Старался, командовал ею, будто маститый фотохудожник. И клялся, что снимет истинные шедевры.

Девушка достала из пляжной сумки недавнее приобретение, цифровик, и приготовилась наслаждаться.

Что ж, беседки, фонтаны, клумбы с розами Полуянову давались неплохо. И юные девы, что вроде случайно попали в кадр, тоже выглядели эффектно. А вот она сама...

Надя крутила фотку за фоткой и все больше расстраивалась. Снимков полно, а распечатать нечего. Здесь она толстая, там – корявая. Неужели она действительно настолько ужасно выглядит?! Хотя на диетах вечно сидит, зарядку иногда делает. Да и лицо не радовало: то испуганное, то усталое. Морщинки, опять же. Понятно, конечно, что с дороги, не выспалась накануне – но не настолько ж она крокодил?!

Надя безжалостно удалила почти все фотки. Досадливо вернула фотоаппарат в пляжную сумку. С обидой взглянула на стайку малолетних стройняшек – те валялись на надувном матрасе, смаковали коктейли из жестяных банок. Явно не утруждают себя диетами и уже к двадцати пяти расплывутся, поблекнут. Но пока – королевны. И на нее (полноватую, с книжкой и виноградом в пластиковом пакете) поглядывают снисходительно.

Надя улеглась на спину, прикрыла лицо широкополой шляпой (чтобы от солнца пигментные пятна не появились). И вдруг услышала:

– Вы из-за фотографий расстроились?

Вскинулась, увидела: рядом с ее соломенной подстилкой присел на корточки парень. Помладше Димы, плавки, как сейчас модно, широченные, вроде семейных трусов, распахнутая гавайка, кожа совсем белая. Только что приехал или местный – те, говорят, на море не ходят принципиально. Лицо приятное – умное и совсем не наглое.

И она решила поддержать разговор. С долей кокетства поинтересовалась:

– С чего вы взяли, что я расстроена?

– А я за вами давно наблюдаю, – легко признался парнишка. – Вы, когда на пляж пришли, улыбались. А потом фотографии посмотрели – и сразу поникли... Плохо получились, да?

– Вообще кошмар, – вздохнула Надя. И у нее вдруг вырвалось: – Неужели я такая страшная?!

– Вас, наверно, просто снимали без любви, – авторитетно заявил парень. И уверенно добавил: – А я бы ваш портрет мог сделать для обложки! Любого глянцевого журнала!

Первой мыслью было растроганно пробормотать: «Спасибо!» Однако Надя быстро взяла себя в руки. С какой стати сей поток комплиментов? И на обложку она точно никогда не тянула. Даже в самой ранней юности.

Надя подозрительно взглянула на молодого человека. Рукой машинально придержала сумку (там и фотоаппарат дорогой, и кошелек, и паспорт).

А тот, будто не замечая ее опасений, потребовал:

– Покажите фотки.

Сейчас вырвет сумку и умчится.

И Надя строго произнесла:

– Ничего я вам показывать не буду.

Он окинул ее внимательным взглядом. Явно разглядел и напряженную позу, и руку, что судорожно вцепилась в драгоценное имущество. Обиженно произнес:

– Решила, что я ворюга? Неужели похож?

– Неважно, что я решила, – отрезала Надя. – Я просто на пляже не знакомлюсь.

Получилось манерно, смешно – но очень уж она разозлилась. Сначала неудачные снимки, потом явно преувеличенный, нарочитый комплимент.

Однако парень не сдавался. Присел еще ниже, посмотрел на нее искоса, прищурился – будто ракурс подбирает. И авторитетно заявил:

– Вас в профиль надо снимать. Или, еще лучше, в две трети. Давайте фотик, покажу класс!

И совсем уж нахально потянулся к ее сумке.

– Оставьте меня в покое! – взвилась Надежда. – Или мне охрану позвать?

Хотя есть ли на муниципальном пляже охрана?

Однако нахал покорно отступил. Вздыхнул. И вдруг спросил:

– Вы еще долго здесь будете?

– Да сколько бы ни была – с вами мне разговаривать не о чем!

Однако тот вновь будто не расслышал грубости. Еще раз взглянул на нее, внимательно, цепко, и попросил:

– Не уходите, пожалуйста, никуда. Хотя бы полчаса. Я сейчас фотоаппарат раздобуду, раз вы мне свой не хотите доверить.

И, не дожидаясь ответа, отчалил.

Надя проводила его растерянным взглядом. Действительно странный. И на вора не похож. А вот она сама неразумная клуша. Явилась на пляж зачем-то со всеми деньгами, с новой цифровой камерой. И купалась, бросив все богатства без присмотра на берегу! Счастье, что еще тогда не украли!

Сбегать, что ли, в номер, оставить все ценное? Но вдруг новый знакомый сейчас действительно со своим фотоаппаратом явится? Глупо, конечно, верить, что она

похожа на фотомодел, но чудеса ведь иногда происходят? И парень симпатичный и необычный, ей такие всегда нравились.

Надя задумчиво достала из сумки остатки винограда. Доела, бездумно глядя в бесконечную морскую даль. Очень хотелось искупаться – но теперь, когда весь пляж ее дорогой фотоаппарат видел, конечно, нельзя. Но вместо того чтоб уйти, все ждала и ждала. Хотя, конечно, фотограф про нее давно забыл.

Однако тот пришел. В руках – пакет. Увидел Надю, просиял:

– Просто замечательно, что вы не сбежали!

И бережно извлек из пакета новенькую, еще запечатанную коробку.

Цифровик. Да куда круче, чем у нее.

– Вы его только купили, что ли? – удивленно пробормотала Митрофанова.

– Ага, – улыбнулся парень. – До дома мне далеко, а тут магазин рядом. Ничего. Хорошая техника всегда пригодится.

– Интересный вы человек, – задумчиво произнесла девушка.

– Хоть на том спасибо! – весело хмыкнул он. И представился: – Меня Женей зовут.

– Очень приятно. Надя.

А молодой человек скомандовал:

– Достань книжку, ложись на живот и просто читай. Ничего, кстати, что я на «ты»? Когда работаю, выкать не умею.

– Да пожалуйста.

– Сосредоточься. Прочти – реально прочти – пару предложений. И на меня не смотри.

Митрофанова повиновалась (но сумку рукой, на всякий случай, придерживала).

– Перестань хмуриться, – продолжал командовать Женя. – Теперь подними глаза и подумай о чем-нибудь. Обязательно приятном...

Деловито приблизился, поправил ей прядь волос. По-хозяйски потрепал по щеке, велел:

– Расслабься. А то лицо каменным выйдет.

Щелк, щелк. И новая команда:

– А теперь смотри на море. Только не щурься. И губы не поджимай.

Он навис над ней, принялся снимать сверху.

– Слишком близко! Я толстая получусь! – запротестовала Надежда.

– Не учи ученого, – отмахнулся Женя. Досадливо пробормотал: – Батарея не заряжена... – И велел: – Быстро иди, смотри. Пока фотик не выключился.

– Ничего себе! – удивленно пробормотала девушка.

Она просто не ожидала.

Не больше десяти карточек новый знакомый сделал – и каждую хоть в рамку вставляй. Пусть не очень уже юная, но стильная, загадочная, эффектная получилась женщина. И она ведь еще без макияжа, волосы растрепаны.

– Да у тебя талант! – искренне похвалила Надя.

А парень простодушно откликнулся:

– Скорее опыт. Да и люблю я таких, как ты, снимать. Вроде внешне простенькие, но с изюминкой!

Вернул фотоаппарат обратно в магазинную коробку.

И предложил:

– Хочешь, свой электронный адрес оставь, я тебе фотки пришлю.

Надя продиктовала. А Женя легко вскочил на ноги, улыбнулся:

– Ну, бывай! Приятно было познакомиться!

И исчез.

Надя озадаченно покачала головой. Чудеса здесь у них в Приморске! Шикарные фотографии разгуливают по пляжу, бесплатно предлагают свои услуги. И даже телефончик не просят.

Она снова достала из сумки свой фотоаппарат. Пересмотрела те немногие снимки, что оставила со вчерашнего дня, и решительно уничтожила их тоже. С карточками Жени никакого сравнения. «Вас снимали без любви», подумать только!

Неужели Димка ее правда не любит? Да нет. Зачем бы иначе сюда, в Приморск, ее вытащил? Просто не умеет Полуянов фотографировать. А этот Женя – профессионал. Но с чего бы ему демонстрировать свое мастерство на ней – совсем не приметной?

* * *

К обеду Полуянов не явился. Позвонил, наговорил, что дел полно. Но пообещал, что ужинать поведет ее в ресторан. И велел быть готовой к девяти.

Надя принарядилась, подкрасилась – платье соблазнительно обтянуло фигуру, макияж выгодно оттенил сегодняшний загар.

Дима приводить себя в порядок не стал – просто переодел шорты с майкой. Даже не побрился, лицо бледное, под глазами тени.

– Устал? – заботливо поинтересовалась Надя.

– Обычное дело. Я ж работаю, – отмахнулся он.

Надя расстроилась: похоже, зря она надеялась на беззаботный отпускной вечер. Это ей хочется шутить, веселиться и выслушивать Димины комплименты, а Полуянов, похоже, весь в раздумьях о своем «гвозде». Может, подпоить его слегка – чтоб расслабился?

Однако Дима беспрекословно заказал Наде ее любимый «Мохито», но себе взял минералку. Объяснил: ему к одиннадцати вечера еще на встречу ехать.

Значит, весь ужин займет чуть больше часа. Хорошенький получается отпуск!

Но ворчать Надя сочла неразумным. Лишь ласково тронула Димину ладонь, упрекнула:

– Ты совсем себя не жалеешь.

Полуянов вскинул на нее виноватый взгляд:

– Да все так оборачивается... я сам не ожидал. Тема действительно козырная. Ковать надо, пока горячо.

– Что ж. Работа – дело святое, – согласилась она.

Но неужели ей и завтра придется сидеть на пляже одной? Совсем не хочется.

И вдруг вспомнила, что видела сегодня одну весьма интригующую рекламку. Произнесла задумчиво:

– Слушай, Дима. А может, мне, чтобы тебя не отвлекать, пока в Стамбул смотреться?

– Куда?! – встрепенулся журналист.

– В Стамбул, столицу Турции, – подмигнула она. – Из Геленджика туда паром ходит.

– И с какой стати ты поедешь в Стамбул?

– А чего? У меня же отпуск. И загранпаспорт теперь есть, – невинно улыбнулась она. – Посмотрю Софию, голубую мечеть, кожаные куртки куплю тебе и себе. Не бойся: поездка – всего на четыре дня! Не украдут меня в гарем. А ты пока свою статью спокойно закончишь.

Дима задумался. «Неужели отпустит?» – испугалась Надежда.

– Деловая ты стала. После своей Италии, – наконец произнес он.

И взгляд его, доселе рассеянный, мазнул по ней с откровенным, чисто мужским интересом.

«Расшевелила наконец!» – обрадовалась Надежда.

А Полуянов твердо произнес:

– Нечего тебе в Турции делать. Одной. – И добавил командирским тоном: – Давай я тебя лучше к расследованию своему привлеку.

– А гонорар? – не растерялась она.

– Гонорар – пополам. Как и положено по семейному кодексу. Давай допивай свой «Мохито». Вместе поедем.

– Куда?

– На пляж дикий. Встретимся быстренько с одним чудиком, а потом искупаемся под луной.

«А купальник? Полотенце?» – мелькнуло у нее.

Но заикнешься – Дима точно обзовет ее клушей и с собой не возьмет. Потому она лишь вздохнула и поинтересовалась:

– А зачем именно ночью встречаться?

– По пути расскажу.

И, пока ехали, поведал наконец, о чем писать будет: про погибшую в море девушку. Озвучил официальную версию: мол, та сама виновата. Однако капитан, якобы повинный в ее смерти, не просто находится на свободе. Он еще и дорогую машину себе присматривает – странно для человека, только что совершившего убийство, пусть и по неосторожности. А мальчишка, брательник погибшей, и вовсе заявил, что своими ушами слышал, будто за штурвалом совсем другой человек был. И родителей девушки просто купили, чтоб молчали они.

– Ничего себе! – выдохнула Митрофанова. – Действительно тема!

– Ага, – кивнул Дима. – Только доказательств нет. Капитан – естественно, будет молчать. Мальчишка тоже, он отца своего боится смертельно. А милиция местная наверняка куплена.

– А кум, дядя Толя? Который видел, кто за штурвалом?

– Пытался я его найти, – проворчал Полуянов. – В Институт моря сегодня ездил. Узнал: уволился дядя Толя. С месяц назад. А где теперь он работает? Никто не в курсе. Он из Приморска вообще уехал. Отправился якобы в Сочи – и платят там лучше, и жить веселей. Родственников у него в городке нет. А мобильный телефон заблокирован.

Дима вспомнил обиженное личико официантки из местной кафешки, ее возмущенные слова:

– И пятьсот рублей мне не отдал, гад! Я ему сто раз уже звонила. И со своего номера, и с других – думала, может, просто в черный список меня внес – не отвечает. Что за мужики пошли мелочные!

Оставалось лишь оставить девушке хорошие чаевые да покинуть кафе.

– Сложно все... – задумчиво произнесла Надя. – А с кем мы сейчас встречаемся?

– Да с мужиком, который в газету написал про эту историю. Пенсионер, ветеран труда.

– Он что-нибудь видел? Сам?

– Не понял я, – вздохнул Полуянов. – В письме доказательств никаких, только общие слова. «Погиб безвинный ребенок» и «доколе». А когда мы вчера встретились, темнить начал. Вроде и не в девушке дело – совсем в другом. И сегодня он мне здесь что-то особенное покажет.

Полуянов напряженно всматривался в ночное шоссе:

– Тут должен быть поворот. Сначала с указателем на пляж Института моря. И сразу после него еще один, на грунтовку.

Дорога заложила крутой вираж, покрышки «Приоры» опасно завизжали, Надя вжалась в сиденье. Поинтересовалась:

– А он не сумасшедший, твой дед?

– Да кто знает, – вздохнул Полуянов.

И она авторитетно добавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман А. и С. Литвиновых «Эксклюзивный грех».

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/nebesnyy-ostrov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)